

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТ АРСКАЯ РЕВОЛЮ ЦИЯ

*Журнал революционных коллективистов,
спецвыпуск, ноябрь 2003 г.*

БОЙКОТ БУРЖУЙСКИМ ВЫБОРАМ!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Три листовки за бойкот выборов	5
<i>Степан Бондаренко</i> Тараканьи бега в Чернигове	7
Письмо Георгия Васильева Вуку Новику	11
Война в Ираке – шаг к мировой войне – и к мировой революции	15
<i>Марлен Инсаров</i> Марксизм и революционная борьба пролетариата	17
<i>О. Дубровский</i> Украина: развитие антипрофсоюзного законодательства	38
<i>Иван Зеленый</i> Благотворительность за чужой счет	45
<i>Иван Зеленый</i> Добročинність за чужий рахунок	46
Выборы: чего не делать	47

Пишите нам по электронной почте по адресу:

prol_rev_col@yahoo.com

Вы можете найти наши материалы в Интернете по адресам:

<http://www.left-dis.nl>, раздел "Русский", подраздел "Дискуссии", №№ 5, 10-16, 21, 23, а также подразделы "Актуальность" (№№ 4-9) и "История" - одно из предисловий к книге Гарольда Исаакса "Трагедия китайской революции"; на том же сайте см. разделы "English" и "Français" - те тексты, в заглавиях которых стоит "Коллективисты", наши;

также см. http://www.geocities.com/prol_rev_col/collectivism.html (по-английски: наша дискуссия с Интернациональным бюро за революционную партию о компьютеризации как предпосылке социалистической революции).

Тираж маленький: сколько получится размножить, столько и будет.

Anticopyright:

перепечатывайте наши материалы хоть с ссылками на наш журнал, хоть без ссылок - нам без разницы (*только не искажайте их!*): плевать нам на авторское право... Однако, впрочем, не ставьте свои подписи под нашими материалами ☺

От редакции

Читатели нашего журнала хорошо знакомы с отношением революционных коллективистов к буржуазным парламентам, муниципалитетам и к выборам во все эти "представительные органы власти". Мы излагали и подробно обосновывали это отношение во всех предыдущих пяти номерах "Пролетарской революции", а также в наших трех книгах - "Теория и практика коллективизма", "В борьбе против буржуазного национализма" и "Идеология коллективизма". Мы продолжаем делать это и в настоящем спецвыпуске - в статье "Выборы: чего не делать". Поэтому в редакционном предисловии мы ограничимся утверждением бесспорной **НЕОБХОДИМОСТИ БОЙКОТА ВЫБОРОВ**.

Однако возникает вопрос: *как именно их бойкотировать?* В России возможны два варианта: либо не ходить на выборы, либо голосовать против всех. В конце концов мы выбрали **первый**. Но пришли к этому далеко не сразу.

В прежние годы (еще до образования ГПРК в 2000 г.) часть нынешних членов ГПРК предпочитала агитировать за нехождение на выборы, другие - за голосование против всех. В этом году мы видим, что ряд левых групп и отдельных активистов, которые одинаково отрицают полезность голосования за любых кандидатов, завели спор между собой: какой из двух вариантов бойкота выборов лучше? *С помощью агитации за какой из них лучше искать себе будущих товарищей по борьбе?* У каждого из вариантов нашлись свои плюсы и минусы, примерно уравновешивающие друг друга.

Например, в пользу голосования против всех говорит то, что человек, голосующий так, *активно* выражает свое неприятие буржуазной демократии - и такой человек больше годится нам в товарищи, чем тот, кто в субботу вдрызг напился и в воскресенье не пошел на выборы с перепоем. Однако, с другой стороны, в пользу нехождения на выборы можно привести такой аргумент: тот, кто не ходит на буржуйские выборы, однозначно отрицает их, в то время как тот, кто голосует против всех, тем самым как бы говорит, что буржуазные выборы - сама по себе вещь нужная, просто сейчас нету хороших кандидатов. Конечно же, те, кто так считает, нам в товарищи еще не годятся.

В пользу голосования против всех говорит тот факт, что, если на избирательном участке нет наблюдателей от разных партий и кандидатов, то избирательная комиссия может преспокойно поставить фальшивые подписи за

не пришедших избирателей - и поставить в соответствующем количестве незаполненных бюллетеней крестики за "нужного" кандидата. Однако, с другой стороны, та же комиссия может столь же спокойно заменить бюллетени с голосами "против всех" бюллетенями с голосами за "нужного" кандидата - если, опять-таки, рядом нету наблюдателей от разных партий и кандидатов...

Большой процент не явившихся на выборы свидетельствует о кризисе буржуазной демократии в данной стране - но точно так же свидетельствует об этом и большой процент проголосовавших против всех. Можно собрать немало высказываний чиновников, политиков и журналистов, свидетельствующих о том, что буржуазия боится массовой неявки избирателей - но можно собрать столь же много примеров, показывающих, что буржуи точно так же боятся и массового голосования против всех...

Спор о том, какой из двух вариантов бойкота выборов лучше, разгорелся и внутри ГПРК. Этой осенью мы в какой-то момент сошлись было на том, что необходимо агитировать за оба варианта бойкота сразу: мол, кто хочет - пусть не ходит на выборы, а кто хочет - пусть голосует против всех. Исходили мы при этом из того, что, раз оба варианта равнообоснованны, то не стоит пролетарским революционерам доводить спор из-за них до раскола. Мы решили: посмотрим, к какому из двух вариантов склонится на этих выборах больше *активных и злых* пролетариев, и тогда уж решим, который вариант предпочтительнее - а пока поагитируем за оба...

Следы такой установки можно увидеть еще в этом спецвыпуске - например, в статье "Выборы: чего не делать". Исходя из нее, мы уже успели распространить некоторое количество соответствующих листовок. Однако буквально на днях, когда мы уже начали размножать этот спецвыпуск, мы получили информацию из надежных источников: российский Центризбирком поделит голоса, поданные "против всех", между партиями, не преодолевшими пятипроцентного барьера. Если эта информация верна, то, значит, голоса "против всех" превратятся в голоса за те или иные буржуазные политические организации.

Нам пришлось перестроиться на ходу - и теперь мы агитируем *только* за то, чтобы **НЕ ХОДИТЬ НА ВЫБОРЫ**, отказавшись от агитации за голосование против всех. Даже если полученная нами информация окажется неверной, то сам факт распространения таких слухов (повторяем, наши источники надежны) свидетельствует о том, что у голосующих "против всех" нет твердой гарантии, что их голоса учтут так, как того хотели подававшие эти голоса. Буржуазная демократия - это до такой степени обман пролетариев, что если в ней даже чуть-чуть поучаствуешь с какой бы то ни было целью (например, с целью ее разрушения), то она все равно обернет твое участие на пользу буржуям. *Нет никакой гарантии того, что эта игра будет честной и что буржуи не обманут избирателей-пролетариев; поэтому лучше абсолютно не участвовать в этой игре.*

Тем не менее, если те или иные левые активисты, агитирующие за голосование против всех, не откажутся от этой своей позиции, мы вовсе не будем считать это основанием для полного раскола с ними. Разногласие по поводу форм бойкота выборов - это не такое разногласие, которое свидетельствует о политической несовместимости. Есть много гораздо более важных поводов для раскола (один из таких поводов - вопрос о том, бойкотировать ли выборы или голосовать за какого-то кандидата или блок); не стоит умножать их число сверх необходимости.

На первых же страницах данного спецвыпуска мы публикуем две листовки, написанные приверженцами двух разных методов бойкота выборов: Романом Гуковым и нашим сибирским товарищем, распространяющим нашу литературу и отождествляющим себя с коллективистами. За все смысловые нюансы этих листовок отвечают только их авторы (особенно это касается Романа Гукова), а не ГПРК. Наша листовка, отражающая окончательный вариант позиции ГПРК по выборам, публикуется третьей в подборке.

Группа пролетарских революционеров-коллективистов

Три листовки за бойкот выборов

Роман Гуков

Бойкот выборам!

Товарищи!

Хватит быть "электоратом" для буржуазно-бюрократической политической элиты!

Мы все имели уже достаточный опыт общения с политиками всех мастей, которые перед каждыми выборами выливали на нас потоки обещаний, втайне презирая нас как стадо баранов-избирателей, а потом крали миллиарды долларов, развязывали войны и боролись за стабильность эксплуататорского режима.

Обман и лицемерие буржуазной "представительной демократии" очевидны. Дело даже не в том, что никаких "честных" и "чистых" выборов не может быть по природе буржуазного общества, где все продается и покупается, где средства массовой информации используются как средство психологической войны против трудящихся классов. Сама по себе идея о том, что кто-то другой, а не мы - трудящиеся, все вместе - может "представлять" и "защищать" наши жизненно важные интересы, порочна и несбыточна.

Присутствие в Думе сотни "оппозиционных" КПРФовских депутатов толко создает у трудящихся иллюзию, что "коммунисты" защитят их интересы. Между тем как "коммунисты" выступают в защиту "отечественного производителя" (отечественного буржуа), за усиление буржуазно-бюрократического государства.

Невзирая ни на какие выборы, незыблемой остается основа буржуазно-бюрократической системы - экономическая власть буржуазии и политическая власть государственной бюрократии.

Жизненно важные интересы трудящегося человека решаются отнюдь не на выборах, а при найме на работу. И при этом "демократия", "конституция" со всеми писаными правами играют весьма жалкую роль. Именно хозяин (или его подручные) определяют условия труда, уровень зарплаты и вообще решают, стоит ли брать на работу данного человека.

Так для чего же устраивается дорогостоящий спектакль под названием "выборы"? Официальная буржуйская пропаганда рассказывает сказки, что, мол, "мы определяем свою судьбу", что "все зависит от нас, каких достойных людей мы выберем". Это все пропагандистское вранье. Реальный смысл "демократических" выборов другой: именем народа освятить, узаконить право буржуазно-бюрократической системы на дальнейшее существование, этим обеспечить стабильность системы.

Неважно, что для "торжества демократии" достаточно участия позорных 25% от списочного состава. Главное, чтобы "выборы состоялись". А потом эти господа скажут: "Народ нас выбрал, извольте подчиняться законно избранной власти!"

Итак, "выполняя свой гражданский долг" опусканием бумажек в избирательные урны, эксплуатируемые и избираемые трудящиеся становятся соучастниками своего собственного ограбления.

Товарищи!

Не играть надо в лукавые буржуйские игры с "выборами", а организовываться, чтобы уничтожить буржуазно-бюрократическую систему вместе с ее выборным обманом и построить принципиально иную организацию общества, опирающуюся на власть общих собраний трудовых коллективов. Опыт революций, "реального социализма", "перестроек", оккупационных забастовок учит, что власть нельзя доверять абсолютно никому -- ни депутатам, ни партиям, ни лидерам, ни директорам, ни каким бы то ни было избранным органам.

Чудес не бывает. Либо мы, трудящиеся - производители всех материальных благ - сами будем действовать, принимать решения общими собраниями трудовых коллективов; либо всяческие "слуги народа" будут "заботиться" о нас сидя на нашей шее, совместно с буржуями грабить нас и дурачить "представительной демократией".

**БОЙКОТ ЛЖИВЫМ И ЛИЦЕМЕРНЫМ БУРЖУЙСКИМ ВЫБОРАМ!
ДОЛОЙ ГРАБИТЕЛЬСКУЮ БУРЖУАЗНО-БЮРОКРАТИЧЕСКУЮ
СИСТЕМУ!
ВСЯ ВЛАСТЬ ОБЩИМ СОБРАНИЯМ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ!**

Наш сибирский товарищ
ВЫБОРАМ БОЙКОТ!

Пора нам, рабочему классу, выйти из буржуазной игры в выборы. Мы все еще надеемся, что кто-то в Думе будет отстаивать наши права, что коммунисты будут использовать Думу, как трибуну правды, но реальность показала, что это напрасные надежды. Да! Ленин использовал царскую Думу, как трибуну правды, но та Дума была в большей степени разрушительной силой царского режима, который был тормозом развития капитализма в России. Сегодняшние все Думы, парламенты - это мощные машины, которые превращают все попавшие в нее политические силы в свое надежное орудие. Ведь все кандидаты в Думе - это выдвигенцы класса шкурников, эксплуататоров, и независимо какой из них

захватит руль власти, наша жизнь - жизнь бесправных и эксплуатируемых, не изменится: мы так и будем продолжать барахтаться в трясине нищеты материальной и духовной на фоне безумной роскоши власть имущих. Наша неявка дает буржуям возможность творить произвол от имени "всенародноизбранных", подсчитав проценты от количества пришедших.

Товарищ! Дадим отпор власти капитала! Проголосуем против всех кандидатов! Это будет нашим первым шагом к нашей самоорганизации без официальных вождей и прочих "отцов человечества". Наш кумир - знание!

Коллективисты

Листовка ГПРК

НАЧАЛЬНИКИ (ДИРЕКТОРА ЗАВОДОВ, ЧИНОВНИКИ, ГЕНЕРАЛЫ, БАНКИРЫ, МИНИСТРЫ И ВСЕ ИХ ШЕСТЁРКИ: ДЕМОКРАТЫ, ЛИБЕРАЛЫ, КОММУНИСТЫ И ПАТРИОТЫ) НИКОГДА ДОБРОВОЛЬНО НЕ СЛЕЗУТ С НАШЕЙ ШЕИ! ОНИ ОПЯТЬ ХОТЯТ ПОПАСТЬ В ДУМУ И ПРОТОЛКНУТЬ СВОИХ ЛЮДЕЙ В ПРЕЗИДЕНТСКИЕ КРЕСЛА, ЧТОБЫ ТАМ СОЗДАВАТЬ ВИДИМОСТЬ ДЕМОКРАТИИ И ПРОДОЛЖАТЬ СВОЮ ПАРАЗИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ!

ПОКА МЫ ЕЩЕ НЕ В СИЛАХ РАЗОГНАТЬ ЭТУ СВОЛОЧЬ, СОРВЕМ ИХ "ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ" СПЕКТАКЛЬ!

НЕ ХОДИТЕ НА ВЫБОРЫ!

Степан Бондаренко

Тараканьи бега в Чернигове

Одним из главных инструментов обмана пролетариата буржуазией является *демократический миф*, согласно которому парламентская система представляет собой власть народа, а если народ каждый раз оказывается обманут якобы своими избранныками, то ему некого винить в этом, кроме самого себя.

В противоположность России, Украина не была империей, украинская буржуазия не может опираться на собственные имперско-патриотические традиции, и с тем большей силой вынуждена поэтому прибегать в обмане пролетариата к демократической демагогии. Разоблачение демократического мифа является поэтому насущной задачей для пролетарских революционеров Украины – разоблачение путем пропаганды, пока у нас нет сил последовать примеру славного анархиста матроса Железняка и дать под зад коленом избранникам капитала. Такое разоблачение может осуществляться тем с большей легкостью, чем с большим бесстыдством украинская «парламентская демократия» проявляет свою подлинную сущность – не власти «народа», а власти капитала.

...Историю дополнительных парламентских выборов по избирательному округу N 206 (г. Чернигов) можно начать с того, как «гарант демократии» Кучма осенью 2002 г. приехал в Чернигов праздновать 200-летие образования Черниговской губернии (ну никак не дадут покоя современным «демократам» даты и побрякушки царской империи!). А чтобы встреча народа с президентом прошла без эксцессов, центр города наводнили менты в форме и без, перекрыли движение транспорта по центральным улицам города (так что те, кому надо было ехать на работу, должны были добираться туда пешком), а на организованную по случаю праздника ярмарку пускали только по специальным пропускам.

Но праздник кончился, наступили будни, а так как будни буржуазного мира – это конкурентная борьба всех со всеми, такая борьба проявилась вскоре между президентом Кучмой и главой областной администрации Бутко (известным тем, что в 1990-е годы развалил Черниговский радиоприборный завод – крупнейшее предприятие в городе – директором которого тогда состоял). Подлинные причины, из-за которых рассорились главарь Украины и его черниговский наместник, остались неведомы, поводом же для свержения главы областной администрации президент избрал злосчастный праздник 200 – летия Черниговской губернии. Оказывается, перекрыв движение по центральным улицам и выставив ментовские полчища, Бутко, ревнивый к президентской славе, хотел помешать любящим друг друга народу и президенту броситься в объятия.

Бутко был низвергнут и даже – пронесся слух – посажен. Но подковерная борьба завершилась компромиссом, Бутко появился на телеэкране и заявил, что его, во-первых, сажали только под домашний арест, во-вторых, только как свидетеля (свидетель под домашним арестом – что-то новое в юридической практике!), а в-третьих, уже выпустили. Как бы там ни было, вместо него главой областной администрации был назначен Мельничук, уже занимавший этот пост в 1992–1994 гг., а в последнее время сидевший в Верховной Раде как депутат от СДПУ(о) (кто не знает – есть такая социал-демократическая партия, руководит которой крупнейший украинский капиталист В. Медведчук). В связи с этим освободилось место депутата, которое волей-неволей пришлось покинуть Мельничуку – и сразу стали сбегаться шакалы, готовые к драке за добычу...

По характеру своей демократичности разные республики, регионы и области СНГовии можно разделить на две части: те, где прочно и нерушимо правит одна банда, и такие, где конкурирующих банд несколько. В первом случае (к нему относятся государства Средней Азии, немало областей и национальных республик РФ и т. д.) выборы проводятся только для соблюдения приличий перед «мировым сообществом», исход их известен заранее, средств на них

расходуется не так уж много («зачем тратиться на подкуп народа, когда этот народ и так нам принадлежит?») - рассуждают про себя отцы нации из бывших КПССовских начальников), а разрешенная, опять-таки ради соблюдения приличий, оппозиция и не думает всерьез бороться за власть.

Во втором случае все проходит гораздо энергичнее, деньги текут рекой (победитель получит намного больше!), соперники вовсю клюют друг друга и поливают компроматом, у народа возникает соблазнительная иллюзия, что что-то можно изменить, поменяв одного грабителя на другого. Но иллюзии напрасны, и на выборах такого, мнимо-альтернативного типа неизбежно побеждает тот, кого с большей силой поддерживают власть и капитал. Выборы в Чернигове очень убедительно проиллюстрировали эту истину.

Самым гладким, откормленным и алчным из шакалов, учуявших запах прибыли и прибежавших драться за добычу, был Александр Ярославский, владелец одного из 10 крупнейших банков Украины – «Укрсиббанка». «Укрсиббанк» управляет государственными пакетами акций Северного горно-обогатительного комбината и Днепровского металлургического заводов, владеет частью акций компании «Украинский алюминий», которая приобрела Николаевский глиноземный завод, тесно сотрудничает с «Сибирским алюминием» российского олигарха Дерипаски. Братец кандидата, Алексей, на выборах 2002 г. был избран в парламент по списку буржуазно-оппозиционного блока «Наша Украина», однако вскоре перебежал в прокучмовскую «За единую Украину». Сам нынешний кандидат на тех выборах выдвигался от провалившейся... Партии зеленых! (Алюминиево-экологический банкир!).

Те, кто думает, что капиталы сего банкира приобретены исключительно за счет ума, труда и таланта, пусть попробуют объяснить, почему он, будучи женат на дочери харьковского губернатора (братья Ярославские – из Харькова), после его смерти сразу развелся с женой и женился вскоре на родственнице Кучмы. Не доказывает ли это, что, приобретая капиталы, «работал» он не столько головой, сколько другой частью тела?

Как и подобает кандидату, Ярославский не жалел средств – ни на развешивание рекламных стендов своего благотворительного фонда, ни на дарение ветеранам... полиэтиленовых кульков!!! Но верхом комбинаторского искусства была покупка находившегося на последнем издыхании завода «Химволокно». Сразу были вновь наняты ушедшие с завода работники (*наняты на 6 месяцев – до дня выборов!*), и завод заработал – *на склад*, т. к. производимые товары как были, так и оставались неконкурентоспособными. Зато новый владелец убыточного «Химволокна» мог с гордостью заявлять, что он не какой-нибудь пройдисвит, пройдоха – отечественную промышленность укрепляет, рабочие места создает. Если при старом либеральном капитализме буржуа, опираясь на свои капиталы, шел во власть, то теперь скопивший свои капиталы благодаря родственным связям с властью буржуа, чтобы дорваться до еще большей власти, готов даже поиграть в промышленного капиталиста. Впрочем, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, и собственность и власть, капитал и государство представляют собой одну многоголовую гидру, которую уьбет только меч пролетарской революции...

Кто же конкурировал со ставленником власти и владельцем капиталов? Мы оставим в стороне сбежавшихся на выборы буржуев более мелкого пошиба и остановимся на кандидатах, делавших вид, что представляют «левую альтернативу».

Объединенная право–левая оппозиция выставила своим единым кандидатом Дмитрия Иванова, близкого к социалистам главного редактора молодежной газеты «Гарт». Если в России объединенная право–левая (то же самое – «красно–коричневая» и «коммуно–фашистская») оппозиция – привычное явление, то на Украине она возникла недавно. Пророссийски настроенные украинские красноразличные партии были злейшими врагами антироссийских украинско–националистических организаций. Но «укрепление вертикали власти» толкнуло к сотрудничеству друг с другом четыре наиболее сильные буржуазно–оппозиционные организации – москвофильскую Компартию, социал–демократическую Соцпартию, либеральную «Нашу Украину» и украински–националистический «Блок Юлии Тимошенко» (в чью депутатскую группу входят заслуженные ветераны украинского национализма Л. Лукьяненко и С. Хмара, а также лидер УНА–УНСО А. Шкиль). Кандидатом этого блока и выступил Д. Иванов.

Основным методом предвыборной агитации этого наиболее серьезного соперника Ярославского было устройство молодежных концертов, из чего валом валившая послушать звезд поп–музыки молодежь должна была получить представление о солидности и современности оппозиционного кандидата. Какая уж там принципиальная политическая борьба, какое противопоставление политических программ! Да и как можно их противопоставить, когда отличаются они только в нюансах, выражают потребности одного класса – буржуазии, а политические деятели не только этому классу служат, но обыкновенно к нему же и принадлежат. Так, лидер черниговской организации Соцпартии Рудьковский является владельцем нефтяных скважин (купленных на наследство, полученное от дяди из украинской диаспоры) и, как говорят, получил место в списке СПУ в 2002 г. в обмен на помощь партийной кассе.

КПУ, входящая в объединенную оппозицию, выставила тем не менее своего собственного кандидата – что ярко свидетельствует о степени согласованности и товарищества в объединенной оппозиции. В программе этого кандидата говорилось и о «поддержке малого и среднего предпринимательства», и о «защите отечественного товаропроизводителя и продвижении украинских товаров на мировом рынке», и об «укреплении украинской армии». Очень даже хорошая программа – для буржуазии, только при чем здесь слово «коммунистическая»?

Не забыла приехать с целым штатом платных агитаторов и партийных работников и лидер ПСПУ Н. Витренко. Одной из главных тем в ее агитации было «объединение с братскими славянскими Россией и Белоруссией». На вопрос: «Вы что, хотите с путинской Россией объединяться?» - последовал замечательный в своем роде ответ: *«Да, трудно Владимиру Владимировичу приходится, тяжелое наследство ему досталось, но олигархов он прижал»*, - так «прижал», что вместо Гусинского и Березовского растут и жиреют Дерипаска и Пугачев. Вот и думай, платным или бесплатным агентом русского империализма на Украине является ПСПУ...

Решил поучаствовать в избирательной гонке и радикал–сталинист, бывший рабочий активист с харьковского завода «Серп и молот» (ныне оттуда уволенный) и член ВКПБ А. П. Серeda. По его собственным словам, делал он это исключительно в целях революционной агитации и агитировал в т.ч. против надежд на выборы. Но как кандидат на выборах может агитировать против выборов, как примирить такое расхождение слова и дела – тайна сия великая есть. Предвыборная агитация Середы имела (не могла не иметь!) такой же

личный характер, как и у прочих кандидатов, на многих стенах города большими красными буквами было написано «СЕРЕДА» (без пояснений, почему не «ЧЕТВЕР» и не «ВІВТОРОК»), а с разъезжавшего в дни перед выборами по городу грузовика времен Второй Мировой мегафон призывал голосовать за Середу...

Отдельная, весьма интересная тема – сколько стоили выборы. Полиэтиленовые пакеты, звезды поп-музыки, листовки, бесплатные газеты и платные агитаторы, помещения и автомобили – все это в буржуазном мире стоит денег, а деньги в этом мире принадлежат буржуазии. И то, что разные группы буржуазии щедрой рукой, не жмотясь, тратили отнятые у пролетариата деньги на обман этого пролетариата, доказывает, что приз тараканьих бегов – депутатское место – вполне стоил затрат и открывал его обладателю новые возможности для еще более выгодных комбинаций.

А кончились выборы, при всей их шумихе и демократизме, так, как и должны были кончиться – победой кандидата «партии власти», совсем как во владениях туркменбаши. За два дня до выборов от участия в них была отстранена Витренко – за раздачу незарегистрированной газеты с агитацией в свою пользу. На гражданских избирательных участках больше всего голосов получил Иванов, но за Ярославского единогласно проголосовали зависимые от власти армия, милиция и психиатрическая больница, чем и обеспечили ему вождьеленную победу. «Более грязных выборов я в своей жизни не видела», - сказала Витренко. А чего она хотела?

10% избирателей проголосовали против всех кандидатов. И это был правильный выбор, первый шаг к отвержению всего буржуазного строя с его хваленной парламентской системой.

Глядя на все это омерзительное зрелище, можно было только изумляться, почему всего 100 лет назад передовые борцы за освобождение трудового народа умирали за «всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании», а буржуазия страшилась, что, получив это всеобщее избирательное право, пролетарии осуществят с его помощью социальный переворот? Почему всеобщее избирательное право стало не средством освобождения пролетариата, но инструментом его порабощения?

Ответ прост. В современных выборах (в отличие от выборов в древней Греции, в Запорожской Сечи или выборов в рабочие Советы 1905 и 1917 гг.) участвует не коллектив, не товарищи по общей работе или по совместной жизни в общине, а толпа одиночек, не связанных друг с другом и имеющих разрозненные интересы. Такая толпа одиночек с легкостью необыкновенной поддается манипуляциям хозяев власти и капитала. А демократическая видимость только узаконивает господство этих хозяев, создает им идеальный предлог говорить, будто «народ» сам хочет, чтобы его стегали плеткой и драли с него семь шкур.

Именно поэтому пролетарии, захватив власть, разломают и развеют по ветру пресловутую парламентскую демократию, заменив ее *властью общих собраний трудовых коллективов*.

Письмо Георгия Васильева Вуку Новику

13.10.03.

Здравствуйте, уважаемый товарищ Вук,

Спасибо за Ваши письма и за газету. Ее обложка - красноармеец, тычущий пальцем в читателя и грозно спрашивающий: "Ты хочешь получать 5000 рублей в месяц?" - очень напоминает рекламное объявление о приеме на работу или в ПТУ. Действительно, вместо того чтобы вообразить, что это - обложка революционной газеты, продайте идею этого рекламного объявления какому-нибудь автобусному депо или другому предприятию в Воронеже, нанимающему новых работников. С руками оторвут этот проект, заплатят за него хорошие деньги.

Слушайте, дорогой Вук: с чего Вы взяли, что перспектива высокой зарплаты сподвигнет нынешних российских рабочих на революцию, на то, чтобы "экспроприировать новых русских", как Вы предлагаете на с. 2 своей газеты? Давайте рассуждать трезво, опираясь на факты. Часть рабочих и так получает 5000 и больше - например, на нефте- и газодобывающих предприятиях. Конечно, по сравнению с заработком западного рабочего их зарплата не очень высока; зато по сравнению с зарплатой нашего рабочего на машиностроительном заводе или в совхозе это очень большие деньги, и рабочие "нефтянки" и "газовки" дорожат ими, боятся их потерять и революцию *сейчас* делать не будут. Низкооплачиваемые рабочие тоже не будут делать революцию ради 5000 руб. в месяц: наиболее энергичные молодые люди из их числа - те, которые как раз были бы способны и сами подняться на революцию, и других на нее поднять - идут за этими деньгами в бандиты, а в числе рабочих остаются либо молодые рохли и тютю, немалая часть которых вскоре спивается, либо люди среднего и пожилого возраста, обремененные семьями. Какая с них революция? Какой экспроприации "новых русских" Вы от них ждете? Вы что же, думаете, что среди них найдется много людей, подобных Вам? Если Вы так думаете, то зря обвиняете нас в незнании реальных рабочих и волнующих их проблем - Вы их сами не знаете, хотя и являетесь рабочим сами. Живете, как во сне, не замечая реалий окружающего мира...

Конечно, эти реалии не остаются неизменными. Жизнь меняется: среди бандитов, так же как и в мелком бизнесе, незанятых мест остается все меньше, и шансы достичь больших высот у нового человека как в мафии, так и в торгашестве убывают с каждым днем. В среде низкооплачиваемых рабочих помаленьку растет процент энергичной молодежи, которая не может реализовать себя и может стать хорошей взрывчаткой для грядущей революции. Однако *само по себе накопление такой взрывчатки в наше время не может стать достаточной причиной революционного взрыва*. Сейчас не XIX век, когда революции в европейских странах случались чуть ли не каждые двадцать лет, - время немножко другое... В развитом капиталистическом обществе история делается в больших городах - и застрельщиками пролетарской революции тоже являются пролетарии больших городов. Однако пролетарии современных мегаполисов живут не так, как их предшественники в XIX веке: если тогда рабочие одного завода, как правило, жили по соседству и были связаны друг с другом теснейшими дружескими и семейными узами, то сегодня пролетарий большого города сплошь и рядом работает вместе с одними людьми, живет по

соседству с другими, а выпивает с третьими - и для всех этих людей он гораздо более чужой, чем пролетарий XIX века для своих коллег, одновременно бывших его друзьями, соседями и родственниками. Сравните жизнь пролетария столетней давности в рабочем квартале тогдашнего большого города с жизнью современного пролетария, толком не знающего большинства своих соседей по подъезду огромного многоэтажного дома, - и Вы поймете, что пролетариат высоко- или среднеразвитой страны вроде России не подымет на революцию призывами к высокой зарплате. Нынешние пролетарии - это *толпа одиночек*, не доверяющих друг другу, которых буржуи имеют, как хотят.

Вы спросите: почему же мы, коллективисты, осознавая все это, все-таки избрали себе судьбу революционеров? Что ж, наберитесь терпения - мой ответ не будет коротким.

Сподвигнуть современных российских пролетариев на политическую революцию может только большая война. Только когда миллионы рядовых наемных работников - без различия, высоко- или низкооплачиваемых в мирное время - отправятся в окопы вшей кормить; только когда они будут собраны вместе на фронте, организованы, вооружены и обучены воевать *самой же буржуазией*; только когда они будут доведены до отчаяния и глубоко, до полной ясности и очевидности прочувствуют, что *терять им нечего*, что выбор у них только один - между риском бессмысленной смерти за интересы своих господ и *таким же, ничуть не большим* риском гибели в борьбе за свою власть, - а других вариантов вообще нет -

только тогда в России загорится пламя пролетарской революции.

Это относится не только к России, но и к большинству других стран мира. *Мировая революция может начаться только в результате новой мировой войны.* То, что эта война неизбежно начнется, я доказываю и в книге "Собственность и управление", и в статье "Пора стать "нигилистами" в национальном вопросе" в книге "Идеология коллективизма"; см. об этом также нашу с Инсаровым статью "Об армии, оппортунизме и оппортунистической бесчестности" в книге "Теория и практика коллективизма". В этих трех материалах Вы найдете и наши прогнозы относительно того, как именно будет протекать новая всемирная драка за передел буржуями сфер влияния на мировом рынке. *До этой большой драки пролетарские революции не победят ни во всем мире, ни в немногих отдельных странах* (в подавляющем большинстве стран они и не начнутся до этой драки).

Что же нам делать до того, как начнется мировая революция? Да уж, конечно, не проталкивать своих кандидатов в парламенты (кстати, хорошо, что Вы это понимаете) и не вступать в большие легальные (неважно, официальные или оппозиционные) профсоюзы. *Нам надо строить зародыш всемирной революционной децентрализованной партии*; участвуя в забастовках, прочих акциях пролетарского протеста и стараясь, чтобы они не попали под руководство легальных партий и профсоюзов (а также нелегальных буржуазных организаций), мы должны отыскивать среди пролетариев *немногих* активистов, уже сейчас способных хорошо понять нашу идеологию и органично усвоить ее. Только таких пролетариев мы можем принять в зародыш революционной партии (хотя сотрудничать, конечно, должны со всеми пролетариями, начавшими бороться и не попавшими под руководство политических агентов буржуазии). *Именно на таких - пока еще немногих - пролетариев, которых волнует не только размер зарплаты, но и вопрос о власти, мы рассчитываем, издавая свои*

книги и свой журнал. На таких пролетариев, как тот *рабочий*, который недавно написал мне:

"Мы получили Ваши книги (и "Идеологию коллективизма", и "Собственность и управление"). Спасибо! Книги очень нужные, как для занимающихся изучением философии, политэкономии, истории, социологии, педагогов и студентов, так и для людей, желающих быть сознательными борцами за пролетарское дело. Сегодня не только классовые враги пролетариата, буржуазия и оппортунисты всех мастей, но и немало рабочих задают нам вопросы: "А что плохого в частной собственности? А разве можно будет когда-нибудь обходиться без начальников?" Немало кривотолков также вокруг вопросов о нациях и о национальном самоопределении, о возможности победоносной мировой революции и т. д. Ваши книги дают прямые, доступные пониманию ответы на такие и подобные им вопросы".

То, что мы, ГПРКисты, рассчитываем при издании нашей литературы на малое меньшинство пролетариев, вовсе не означает, что мы стараемся выделить среди пролетариев какую-то элиту и презираем всех остальных. Это ни в коем случае не так. Просто мы ясно понимаем, что наши идеи *сейчас* поймут и примут лишь немногие - и, тем не менее, не опускаемся до перепечаток предсказаний бабы Ванги о возрождении обновленного СССР (как это делаете Вы в своей газете), не снижаем уровня нашей пропаганды. Дело в том, что мы хорошо понимаем: *новая мировая война заставит сотни миллионов пролетариев интересоваться не столько повышением зарплаты, сколько взятием власти*. Вот тогда-то эти сотни миллионов и станут революционными коллективистами. Пока же мы будем собирать вокруг себя тех немногих, которые уже сейчас подумывают о том, а нельзя ли жить без начальников. При этом мы вовсе не отказываемся от участия в борьбе за повышение зарплаты - однако не приносим в жертву этой борьбе пропаганду с более дальним прицелом, ту пропаганду, которая рассчитана на формирование сознательных революционеров... А какую сознательность привносите в сознание рабочих Вы? Сказки бабы Ванги?!

Ради того, чтобы побыстрее набрать себе как можно больше последователей, Вы принижаете свою пропаганду до низкого уровня сознательности большинства нынешних рабочих. Вы говорите с рабочими, как с овцами. Мы же говорим с рабочими, как с людьми - сознательно рискуя тем, что нас поймут лишь немногие. Мы стремимся повысить уровень сознательности *всех* рабочих (понимая при этом, что это удастся не сразу, и сначала к нам примкнут лишь единицы), а Вы забываете им голову всякой чепухой, вроде предсказаний прорицательниц. Вы поступаете так же, как и разнообразные слуги буржуазии, забивающие рабочим голову всякой чепухой и тем самым облегчающие буржуям управление пролетариатом... Так кто же из нас больше уважает рабочих - мы или Вы?

(Кстати, если Вы думаете, что предсказания Ванги сподвигнут рабочих на революцию, то снова возникает вопрос: кто из нас лучше знает рабочих - Вы, питающий такие дурацкие иллюзии, или мы?)

Вообще говоря, обидно, что Вы, понимающий многие вещи очень хорошо и верно (читая присланную Вами копию письма к какому-то Вашему знакомому, я восхищался тем, как Вы растолковывали ему ленинскую работу "Государство и революция"), в то же время держите в своей голове массу чепухи...

Письмо это я уже в основном написал еще в конце августа, но время на то, чтобы отредактировать его окончательно, нашел только сейчас - в частности,

потому, что очень много времени у меня занимает практическая работа с целым рядом стоящих людей. Вопреки Вашему убеждению в том, что мы варимся в собственном соку, это не так - мы находим немало прекрасных товарищей. И хотя не спешим принимать их в свою группу (предпочитаем следовать принципам "Лучше меньше, да лучше" и "Много званых, да мало избранных"), однако охотно и широко сотрудничаем с ними.

Инсарову я переслал Ваше письмо почти два месяца назад. Если он до сих пор не написал Вам ничего, то, возможно, еще напишет, если захочет. Очень надеюсь, например, что он пройдет как следует по Вашим рыночным иллюзиям, на критике которых я не остановился за недостатком времени.

Желаю Вам избавиться от Ваших наивных заблуждений и стать сознательным, последовательным пролетарским революционным коллективистом. Когда это произойдет, тогда и пожелаю Вам успехов в борьбе. Пока что язык не поворачивается пожелать этого: непонятно, куда Ваша борьба в конце концов повернет - против буржуев или, наоборот, на пользу им.

Будьте здоровы.

Группа пролетарских революционеров-коллективистов

Война в Ираке – шаг к мировой войне – и к мировой революции

Война в Ираке явилась еще одним доказательством той истины, что капитализм из *послевоенной* эпохи 1945 – 1989 гг. вступил в *предвоенную* эпоху, эпоху назревания и подготовки новой империалистической войны за передел мира.

Мировое империалистическое равновесие 1945 – 1989 гг. опиралось на два фактора. Первым из них был раздел мира на два противостоящих империалистических блока – Западный и Восточный, - а вторым – неоспоримое господство американского империализма в более сильном из этих блоков, Западном. Это неоспоримое господство объяснялось экономической и военной мощью США, чья доля в мировом ВВП непосредственно после Второй Империалистической войны составляла приблизительно половину. Сверх того, правящие классы Западной Европы и Японии, чрезвычайно ослабившие друг друга во Второй Империалистической войне 1939 – 1945 гг., видели в США единственного надежного защитника против общего конкурента – государственного капитализма Восточного блока. Обусловленная этими причинами гегемония США просуществовала несколько десятилетий.

Но распад Восточного блока в 1989 – 1991 гг. лишил американских союзников того пугала, в страхе перед которым они бросались под защиту США. Одновременно вследствие не прекращавших свою работу механизмов капиталистической экономики стала все более уходить в прошлое неоспоримая экономическая гегемония США. В 1999 г. валовый продукт США составлял 20,4% мирового, а стран – членов Европейского Союза – 19,8% (А. И. Уткин. Мировой порядок XXI века. М., 2001, с. 241).

Разумеется, некорректно сравнивать единое государство – США – с союзом государств, т. е. с Европейским Союзом, правительства и буржуазии которого далеко еще не достигли той степени сплоченности и спаянности, которые присущи правительствам разных американских штатов и разным группам североамериканской буржуазии. Однако сближение и сращивание западноевропейских империализмов идет по нарастающей; пока что явно

преобладает тенденция к превращению ЕС сперва в конфедерацию, а затем и в федерацию (что некогда произошло с *United States of America* – Соединенными Государствами Америки). Даже если тенденция к превращению Западной Европы в Соединенные Штаты Европы и не дойдет до конца, нельзя забывать, что две первые мировые войны велись союзными *коалициями* государств – и этого было вполне достаточно.

Руководящие группы американской буржуазии не могут не понимать, что дело идет к утрате США мировой гегемонии, к превращению их сперва в первую среди равных, а затем – в заурядную империалистическую державу (каковая участь постигла бывшую «владычицу морей», Англию). Понятно, что они хотят не допустить этого.

Если США теряют свое экономическое превосходство над прочими империалистическими государствами, то они по-прежнему сохраняют свое военное превосходство. Доля США в мировом валовом продукте – 20,4%, однако их доля в мировых военных расходах почти в 2 раза больше – 37% (А. И. Уткин. *Американская стратегия для XXI века*. М., 2000, с. 240). Для создания военной силы, сравнимой с американской, Западной Европе потребуется увеличить военные расходы в 4 раза (А. И. Уткин. *Мировой порядок...*, с. 247). Качественное превосходство американской военной техники по сравнению с прочей – еще больше, чем количественное.

Однако несоответствие военной силы и ее основы – экономической мощи, не может продолжаться бесконечно; к чему приводит военное перенапряжение, американские империалисты могут помнить на примере СССР. Поэтому единственной рациональной политикой для них является та, которую они и проводят на самом деле – используя пока еще сохраняющееся чудовищное военное превосходство, захватить как можно больше разнообразных ресурсов, чтобы благодаря этому попытаться удержать экономическое превосходство.

Но разум капитализма имеет свое безумие, и конечным итогом действия является именно то, что с его помощью стремились предотвратить. Перенапряжение военных усилий ослабляет экономическую мощь, а в то же время политика американской буржуазии начинает внушать все больший страх остальным империалистическим бандитам, тревожащимся, как бы разбушевавшийся американский слон не ворвался и в их посудную лавку. И чем больше американский империализм будет увязать в трясине (а как показывает развитие событий в Ираке, этого ему не миновать), тем больше его империалистические конкуренты будут принимать свои меры.

Все это называется ***обострением империалистических противоречий***, а итогом этих противоречий рано или поздно явится ***мировая война***.

Современная мировая ситуация чрезвычайно похожа на ситуацию конца 19 – начала 20 веков, когда стремительно исчезала мировая гегемония Англии, а в борьбу за роль ее преемника вступали Германия и США. Это главное межимпериалистическое противоречие того времени, с которым переплелось многое множество более мелких империалистических противоречий, в конце концов привело к двум чудовищным мировым войнам, в результате которых установилось новое империалистическое равновесие 1945 – 1989 гг. Войны 1990 – начала 2000-х годов можно считать аналогом войн подготовительного периода к Первой мировой войне – от испано-американской войны 1898 г. до балканских войн 1912 – 1913 гг.

Если строить предположения о точном раскладе сил в грядущей империалистической войне, обусловленной потерей гегемонии США, о сроках ее

наступления и т. п. конкретных деталях было бы преждевременно, то указать на ее отношение с классовой борьбой пролетариата необходимо.

Война со всей ее чудовищной жестокостью даст пролетариям в руки оружие, обучит их владеть им, наглядно и убедительно, ценой их собственной крови, покажет им, что сила – единственный метод решения общественных вопросов, единственное средство борьбы за власть. Война избавит их от проклятого страха смерти, поставив перед выбором: либо умирать как покорные рабы капитала и государства, либо свергнуть власть капитала и государства, установить свою классовую пролетарскую диктатуру.

В 1914 г. различные правительства и буржуазии развязали мировую войну, преследуя разнообразные внутри- и внешнеполитические цели. Они не знали, что в результате войны рухнут четыре империи, а капитализм в целом будет ближе к своей гибели, чем когда-либо до или после. Современные правительства и буржуазии столь же алчны и недальновидны, как и их предшественники 90 лет назад, а современный уровень производительных сил делает возможным, что вызванные войной пролетарские восстания не закончатся поражением или перерождением.

Правильно сказал современный пролетарский поэт:

*Все умоемся огнем,
Все отыщется войной.*

Марлен Инсаров

Марксизм и революционная борьба пролетариата

Карл Корш. 10 тезисов о марксизме сегодня (1950 г.).

1. Более не имеет смысла спрашивать, до какой степени учение Маркса и Энгельса является сегодня теоретически приемлемым и практически применимым.
2. **Сегодня все попытки восстановить марксистскую доктрину как целое в ее первоначальной функции теории пролетарской социальной революции являются реакционной утопией.**
3. **Хотя в основе своей двусмысленные, существуют, однако, важные аспекты Марксова учения, которые, в их изменяющейся функции и в применении к разным ситуациям, до сих пор сохранили свою эффективность. Точно так же импульс, созданный практикой старого марксистского рабочего движения, до сих пор входит в практическую борьбу народов – и классов.**
4. **Первый шаг в восстановлении революционной теории и практики состоит в разрыве с тем марксизмом, который претендует монополизировать революционную инициативу, равно как и теоретическое и практическое руководство.**
5. **Маркс сегодня является лишь одним из многочисленных предшественников, основателей и развивателей**

социалистического движения рабочего класса. Не менее важен так называемый утопический социализм – от Томаса Мора до наших дней. Не менее важны великие соперники Маркса – такие, как Бланки, равно как и его заклятые враги – такие, как Прудон и Бакунин. Не менее важно, в конечном счете, более недавнее развитие – например, немецкий ревизионизм, французский синдикализм и русский большевизм.

6. Следующие аспекты марксизма должны быть подвергнуты особой критике: а)Его зависимость от слаборазвитых экономических и политических условий в Германии и других странах Центральной и Восточной Европы, где он имел политическое значение; в)Его безусловная приверженность политическим формам буржуазной революции; с)Безусловное принятие передовых экономических условий Англии как модели для будущего развития всех стран и как объективных предпосылок перехода к социализму; к этому можно добавить d)Последствия многократных отчаянных и безуспешных усилий вырваться из этих условий.
7. Результатами данных условий являются: а)переоценка государства как решающего инструмента социальной революции; в)мистическое отождествление развития капиталистической экономики с социальной революцией рабочего класса; с)последующее двусмысленное развитие изначальной марксовской теории социальной революции искусственным делением ее в теорию двустадийной коммунистической революции; эта теория, направленная с одной стороны против Бланки, а с другой – против Бакунина, отбрасывает от настоящего движения реальное освобождение рабочего класса и помещает его в неопределенное будущее.
8. Именно в данном контексте нужно рассматривать ленинистское или большевистское развитие; именно в такой новой форме марксизм был перенесен в Россию и Азию. В связи с этим марксизм изменился; из революционной теории он стал идеологией. Эта идеология могла быть и была использована для различных целей.
9. С этой точки зрения нужно критически оценивать 2 русские революции 1917 и 1928 гг., и с этой точки зрения нужно определить функции, выполняемые марксизмом сегодня в Азии и в мировом масштабе.
10. Контроль рабочих над производством их собственной жизни не может осуществиться в результате занятия ими позиций на интернациональном и мировом рынках, утраченных саморазрушительной “свободной конкуренцией” монопольных собственников средств производства. Этот контроль может быть результатом только организованного действия всех классов, сегодня отстраненных от него в системе производства, которая становится сегодня все более регулируемой монополистическим и плановым образом.

Приведенные выше тезисы Корша способны оказать шокирующее воздействие на каждого, для кого освободительное движение пролетариата и марксизм суть взаимозаменяемые синонимы. Это шокирующее впечатление усиливается тезисной, концентрированной формой изложения мысли. В тезисах мысль утверждается, а не доказывается, и потому остается неразвернутой и кое-где не вполне понятной.

Не солидаризуясь *со всеми* идеями «10 тезисов», мы находим их тем не менее чрезвычайно полезными для стимулирования критической работы по переоценке опыта революционного пролетарского движения.

Мир переживает сейчас глухую пору безвременья, когда старое кончилось, а новое еще не началось. Нет ничего мучительнее, чем жить в такую пору. Но есть работа, которую нужно выполнить именно ночью. Сова Минервы вылетает в то же самое время, когда воют упыри. Эта работа – работа по подведению итогов. Именно такое подведение итогов, сведение счетов после Французской революции и завершения буржуазной революционности на Западе осуществил в 1840-е годы Карл Маркс. Именно ее должны мы проделать сегодня, когда повторение прошлых истин равносильно воспроизведению в 1840-е годы великих для 1790-х годов идей Руссо и Робеспьера. Смелая мысль не заменит смелое действие, но она готовит его.

Старое социал-демократическое и «коммунистическое» рабочее движение исчезло. Кризис человечества сводится к кризису пролетариата. Класс пролетариев находится сейчас чуть ли не в самой мучительной ситуации в своей истории, будучи сведен к армии беззащитных и безжалостно эксплуатируемых рабов капитала. Понять причины этого, а не повторять мертвые троцкистские формулы – долг революционеров.

Понять надлежит, в частности, насколько старый пролетариат социал-демократических и коммунистических партий был действительно социалистическим пролетариатом и что представлял собою «марксизм», являвшийся идеологией этих партий. Тезисы Корша, лишенные дипломатических двусмысленностей, могут послужить отправной точкой соответствующего анализа.

Поскольку история революционного движения и революционной мысли представляет собой для большей части левых активистов *terra incognita*, сперва следует рассказать, кем был Карл Корш.

* * *

Карл Корш (1886 – 1961) родился в семье банковского служащего. По образованию – правовед. В 1912 – 1914 гг. учился в Англии. Симпатизировал английским формам реформизма – фабианству и гильдейскому социализму.

Первая мировая война привела его к переходу от реформизма к революционному социализму. В 1917 г. он вступил в Независимую социал-демократическую партию, а в 1920 г., вместе с большей частью НСДПГ – в Коммунистическую партию Германии.

В 1923 г. была издана наиболее известная и вызвавшая наибольшие дискуссии работа Корша – «Марксизм и философия». Тогда же, в 1923 г. он был министром юстиции в социал-демократически-коммунистическом правительстве Тюрингии и одновременно организовывал красные сотни для так и не произошедшего пролетарского восстания.

После того, как в 1923 г. революция в Германии была упущена, Корш становится сторонником левого крыла КППГ во главе с Аркадием Масловым и Рут Фишер и редактором теоретического журнала партии «Интернационал».

Когда в 1926 г. левое крыло КППГ было исключено из партии и распалось на множество групп, Корш возглавил одну из них, «Решительную Левую». Он все более радикально критиковал государственный капитализм в СССР и пришел вскоре к выводу об исключительно буржуазном характере Октябрьской революции. Пытался организовать международную левую оппозицию, для чего, в частности, обращался с предложением о союзе к итальянским левым коммунистам (А. Бордиге).

После прекращения деятельности «Решительной левой» в 1928 г. занимался в основном пропагандой марксистской теории в просветительских кружках рабочих и интеллигентов. Своим учителем марксизма его считал Бертольт Брехт.

После прихода Гитлера к власти Корш эмигрировал в Данию, а в 1936 г. – в США. Преподавал философию в американских университетах и сотрудничал с небольшими группами «коммунистов рабочих Советов» (Пауль Маттик и его товарищи). Во время испанской революции симпатизировал анархо-синдикалистской НКТ, критикуя в то же время оппортунистическую политику ее руководства. Признавал империалистический для всех сторон характер Второй мировой войны. В центре его интересов в 1930-е годы – марксизм как теория революционной практики пролетариата, чему посвящены работы «Карл Маркс», «Марксизм: критическое восстановление принципов», «Почему я марксист?» и др.

Находясь во все большем одиночестве и не теша себя утешительными иллюзиями, Корш до конца жизни остался верен освободительной борьбе пролетариата и не перешел в услужение ни к сталинизму, ни к социал-демократии – в отличие от множества прекрасно начинавших и плохо кончивших марксистских интеллигентов. По своим политическим и теоретическим взглядам он был ближе всего германо-голландскому левому коммунизму и разделял как его сильные, так и слабые стороны.

* * *

В упомянутой выше работе «Марксизм и философия» Корш делает попытку с марксистских позиций проанализировать историю самого марксизма. Он делит ее на 3 периода: 1)Революционно-катастрофический марксизм 1840-х годов, марксизм «Коммунистического манифеста»; 2)Марксизм прогрессивно-эволюционной фазы развития капитализма, длившейся до 1914 г.; 3)Восстановленный революционный марксизм новой катастрофической эпохи войн и революций, начавшейся в 1914 г.

Как мы знаем теперь, эпоха войн и революций, начавшаяся в 1914 г. и завершившаяся в 1945 г., не закончилась гибелью капитализма, причем спасли капитализм те силы, которые претендовали прежде быть его могильщиками – социал-демократические и коммунистические партии. Вслед за этим последовал период прогресса капитализма и подавленности пролетариата, еще более угнетающих, чем в эпоху II Интернационала. Поэтому предложенную Коршем схему истории марксизма нужно дополнить – и в то же время его понимание необходимо углубить.

Известно, что не Маркс создал классовую борьбу пролетариата, но классовая борьба пролетариата превратила доктора философии и радикального

буржуазного демократа Маркса в коммуниста. Однако необходимо задаться вопросом: о каком, собственно, пролетариате идет речь?

Согласно марксистской концепции, по мере развития капитализма происходит концентрация и централизация производства, а с ней вместе растет численность, организованность и сила пролетариата. Чем развитее капитализм, тем развитее фабрично–заводской пролетариат – и тем он революционнее.

Данная марксистская апологетика капитализма имеет, к сожалению, один недостаток – она ошибочна. Если хотеть сформулировать общий закон, абстрагирующийся от множества конкретных ситуаций, вернее будет скорее обратное: чем более развитым и всеохватывающим является капиталистическое господство, тем пролетариат более подавлен и тем его революционное движение слабее. Революционность западноевропейского пролетариата в XX веке намного уступала его революционности в XIX веке, Франция в XX веке не знала ни кратковременных попыток пролетарского господства, подобных Парижской Коммуне 1793 и 1871 гг., ни пролетарских вооруженных восстаний, подобных восстаниям лионских ткачей и июню 1848 г.

Если мы посмотрим на историю рабочего движения, то увидим, что самые органически–революционные пролетарские движения, имевшие целью не исправление капитализма, а его свержение, были выступлениями отнюдь не фабрично–заводского пролетариата сформировавшегося буржуазного общества, но 1)либо пролетаризированных ремесленников (луддиты, лионские ткачи, Парижская Коммуна), 2)либо недавно пришедших на завод и сохранивших еще докапиталистические общинные традиции вчерашних крестьян и ремесленников (чартизм, Россия 1917 г., Испания 1936 г.).

Причины понятны. Крестьяне и ремесленники сохраняли контроль над трудовым процессом и легко могли представить себе подобный контроль непосредственных производителей на новой технологической основе, созданной промышленной революцией – стоило лишь объединенным производителям отнять машины и фабрики у капиталистов. Для недавно пришедших на завод бывших крестьян и ремесленников капиталистическая система не казалась вечной и незыблемой – они видели то, что было *до нее* и именно поэтому могли увидеть то, что будет *после нее*. Капиталистическое предприятие не было *своим* для них, на него их загнало прямое или чуть скрытое насилие – и насилием они надеялись покончить с ним.

Их заклятый враг, класс капиталистов, давал им политическое и идеологическое оружие против себя самого. Желая обрести в массах простонародья послушное воинство для своей борьбы с паразитическим дворянством и абсолютистской бюрократией, буржуазия втягивала эти массы в политическую жизнь, а благодаря своей теоретической борьбе против монархии и иерархии, в изобилии давала массам аргументы и доводы, которые можно было использовать против самой буржуазии. Декларации против деспотов, тиранов и привилегированных паразитов общественные низы переворачивали против новой «аристократии богатства», против «промышленных феодалов», как Фурье называл капиталистов. Из «естественных прав человека» следовало, что первейшее его право – это право на жизнь, а из права на жизнь с роковой неумолимостью вытекало уничтожение частной собственности. Свергнув в буржуазной революции старых господ, трудящиеся массы, эксплуатируемые как дворянством, так и буржуазией, естественным образом стремились свергнуть и новых господ – капиталистов, от буржуазной революции непосредственно перейти к «новой, еще более великой революции», революции антибуржуазной.

Идеологическим обоснованием подобных попыток были разные течения пролетарского коммунизма.

Под общей вывеской «утопического социализма» обыкновенно смешивают два совершенно различных направления домарксовской общественной мысли: 1) критику капитализма со стороны его реформаторов, которые нередко даже не были социалистами (это относится к Фурье и Сен-Симону, что не мешало обоим быть умницами и гениальными мыслителями не хуже Гегеля), и 2) пролетарские течения, видевшие освобождение рабочих делом самих рабочих и выступавшие за революционное свержение существующего строя. Сюда относится пролетарский революционный коммунизм Бабефа, Бланки и Вейтлинга, выступавший за насильственную революцию и пролетарскую диктатуру, а также, с меньшей последовательностью, левое крыло чартизма, революционный анархизм – анархизм бакунистского крыла I Интернационала и чикагских революционеров, русское революционное народничество с близкими ему течениями Южной и Восточной Европы и т. д. В большинстве случаев этот пролетарский коммунизм имел естественно-правовое обоснование (хотя встречались и попытки исторического обоснования коммунизма – у некоторых чартистов [Бронтер О'Брайен] и у великого итальянского революционера Карло Пизакане, совмещавшего собственную форму исторического материализма, анархизм и народничество). Тем не менее по своей четко-революционной направленности этот грубо-пролетарский коммунизм намного превосходил последующий марксизм II Интернационала и произошедших из него течений.

Именно с представителями этого пролетарского коммунизма, орабочившимся интеллигентом Карлом Шаппером, часовщиком Иосифом Моллем и сапожником Генрихом Бауэром познакомился в середине 1840-х годов молодой конторский служащий Фридрих Энгельс. Впечатление от знакомства осталось настолько сильным, что спустя 50 лет он с восторгом вспоминал об этих настоящих людях, попавшихся ему в то время, когда он еще хотел только стать человеком.

Шаппер, Молль и Бауэр представляли Союз справедливых – коммунистическую организацию, состоящую в основном из немецких странствующих подмастерьев, живших в Англии, Франции и Швейцарии. Эти несколько сотен изгнанников (*Союз изгнанников* – первое название Союза справедливых, ставшего Союзом коммунистов), изгнанных либо немецкими деспотами, либо голодом и нуждой (а обыкновенно – обеими этими причинами) не имели ни кола, ни двора – а тем самым не имели и отечества. Страдания мира были их страданиями, они не имели дома - и поэтому были дома везде.

Революционный марксизм 1840-х годов был идеологией именно коммунистических странствующих подмастерьев и промышленных рабочих первого поколения (кадровые потомственные фабрично-заводские рабочие тогда еще просто нигде не существовали). Союз справедливых, социалисты-рикардианцы (пролетарские мыслители, из учения Рикардо делавшие социалистические выводы), «партия физической силы» в чартистском движении, революционно-коммунистические общества во Франции предоставили коммунистическое содержание, Маркс и Энгельс дали ему историко-научное обоснование – не больше, хотя и не меньше. Буржуазные интеллигенты, воспитанники Гегеля, бывшие радикальные буржуазные демократы, они сделали это именно так, как могли и умели – и ожидать чего-либо еще было бы идеализмом.

Восторг перед конкретными странствующими подмастерьями перемежался у Маркса и Энгельса с инвективами против этого класса в целом. К пролетариату радикальные буржуазные демократы, ставшие создателями исторического материализма, потянулись сперва как к классу, который осуществит задачи буржуазной революции – т. е. не своей, а чужой революции. Буржуазный прогрессизм был составной частью мировоззрения Маркса и Энгельса, пример чему – их постоянная позиция по национальному вопросу (подробнее см. статью «Национальный вопрос и капитализм» в сборнике ГПРК «Идеология коллективизма»). Иначе и быть не могло.

Крестьянин и ремесленник контролировал условия своего производства, но это производство было невероятно узким, локальным и ограниченным. Общинная солидарность была велика, но не распространялась за пределы общины. Крестьянин, ремесленник, подмастерье много раз восставал и много раз даже захватывал власть на той или иной территории (такие предвестники пролетарской диктатуры уходят в далекое прошлое – Флоренция 1378 г., Мюнстер 1534–35 гг. и т. п.), но не мог распространить эту власть на все общество, и восстание громила беспощадная реакция.

Маркс и Энгельс надеялись, что капиталистический прогресс, сохранив традиционную солидарность трудящихся, в то же время во много раз расширит сферу этой солидарности, сделает возможным охват ею уже не крестьян одного села или кожевников, плотников и пивоваров парижских предместий, но пролетариев всего мира. В чем Маркс и Энгельс ошиблись, так это не в том, что рисовали капитализм в слишком черных, но, напротив, в слишком розовых красках, не в том, что были излишне критичны, а в том, что были излишне апологетичны по отношению к нему...

Из-за невозможности *организоваться в масштабах всего общества* ранний пролетариат был способен на борьбу, но неспособен на победу. Непосредственный переход от буржуазной революции к революции пролетарской оказался невозможен в Западной Европе. На смену революционному марксизму периода буржуазных революций пришел марксизм эпохи эволюционного развития капитализма. Корш в «Марксизме и философии» относит данный сдвиг к времени после поражения революции 1848-1849 гг., на наш взгляд, правильнее относить сюда начало этого перехода, а завершился он в 1870-е годы – с поражением Парижской Коммуны, крахом I Интернационала, провалом испанской революции 1868 – 1873 гг. и неудачей итальянских анархистских восстаний.

Эволюционно–прогрессивный характер капитализма означал, что, отказавшись от революционной борьбы с уже побежденной феодальной реакцией и в случае нужды беспощадно подавляя революционные стремления пролетариата, капитализм был готов идти на уступки рабочим – если те с достаточной силой будут этих уступок добиваться. Из революционной фазы своего исторического цикла капитализм перешел в фазу реформистскую – и не дошел еще до фазы реакционной.

Как и любой прогресс в классовом обществе, этот прогресс происходил за счет пота и крови пролетариев – а равным образом разоряющейся мелкой буржуазии и народов колоний. Индустриализация означала потерю рабочими контроля над производственным процессом, превращение их в простые придатки машины (этот процесс увенчался уже в XX веке появлением фордизма). Утратив контроль над своим трудом, став деталями производственной системы, в принципе взаимозаменяемыми с механическими

инструментами, рабочие перестали верить в возможность своей власти над процессом общественного производства. Вместо преобразования отношений производства они стали добиваться в лучшем случае изменения отношений распределения. Легко представить себе рабочую власть в небольшой мастерской, на огромном заводе – гораздо сложнее. «Ломать фабрику» могли ремесленники–луддиты или китайские крестьяне, только что пришедшие на фабрику в 1920-е годы; для потомственного рабочего, у которого на этой фабрике работали и отец, и дед, это было невозможно.

Переход от революционного движения раннего пролетариата к реформистскому движению потомственного пролетариата (большевик и историк революционного движения И. А. Теодорович говорил о «пролетарии–отце и пролетарии–сыне») являлся сдвигом и в методах, и в целях. Вместо заговоров и восстаний – революционной вооруженной борьбы за власть - наступил черед выборов, разрешенных митингов, газетной пропаганды и т. п. легалистской борьбы за реформистские требования (сопровождавшейся, особенно вначале, уцелевшей как пережиток прошедших героических времен проповедью о революции, которая наступит когда–нибудь в будущем в силу объективных условий и без наших особых усилий). Вместо социализма как совершенно нового строя возобладали представления о социализме как улучшенном современном строе, при котором фабрики и заводы перейдут в руки демократизированного государства, но сохранят (хотя и в демократизированной форме) свои теперешние порядки. Доминирующей в рядах социал–демократии была идея о будущем социалистическом обществе как одной большой фабрике.

Преобразование рабочего движения было столь стремительным и глубоким, что затронуло все его направления. В начале XX века один из крупнейших анархистов, Энрико Малатеста, с ностальгией вспоминал, что 30 лет тому назад, в эпоху его молодости, у каждого товарища был пистолет, запас пороха и план города, где крестиками были обозначены места, удобные для строительства баррикад, теперь же про все это никто и не думает... Сам Малатеста дожил до 1930-х годов и, сколько мы знаем, сильно отошел от бакунистских настроений своей молодости.

Хотя трансформация охватила, в разной степени, все рабочее движение, наиболее подходящей идеологией его новой стадии оказался марксизм. Это объясняется двумя взаимосвязанными причинами: 1) марксизм сумел дать целостное всеохватывающее мировоззрение; 2) он соединял теоретический радикализм и признание революции – в неопределенном будущем – с оправданием и обоснованием реформистской практики в настоящем.

...Корш и другие левые критики «марксизма II Интернационала» имели моду делать ответственным за все его пороки «механицизм», «фатализм» и «детерминизм». Но все обстоит отнюдь не так просто.

Нужно различать философскую систему, которую мы согласны с гордостью называть «историческим фатализмом», и возможные психологические и политические выводы из нее. Эти выводы могут быть прямо противоположными, причем неправильные выводы вызваны обусловленным психологическими и политическими причинами непониманием самой концепции исторического детерминизма. Философия – всего лишь оружие классовой борьбы, и в какую сторону будет оно направлено, решает тот, кто его применяет.

Вопреки вульгарным представлениям, система абсолютного фатализма и детерминизма не только не лишает борющиеся личности свободы и активности,

но напротив, придает этим личностям огромную силу. Данная система упраздняет свойственное эклектическим концепциям деление на объективные и субъективные факторы и представляет объективное и субъективное как две неразрывные стороны единого исторического процесса. Исторический процесс не делится на хаос субъективных поступков и пребывающее над ним царство вечных законов, которым свободные личности могут по желанию повиноваться или не повиноваться. «История есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», однако эти цели не выдумываются им из головы, а обусловлены всей прошлой историей. Законы истории – всего лишь абстрактные схемы деятельности людей, а сама эта деятельность неизбежно организуется по данным законам. *Такой подход, вообще упраздняющий понятие «свободного субъекта», вскрывающий всю его иллюзорность, не только не сковывает борцов, но придает им чудовищную силу.* Если то, что мы делаем – не субъективный каприз, но выражение необходимого исторического процесса, тогда сила нашей деятельности опирается не на наши индивидуальные силы, но на куда более мощный поток мировой истории. *Не было в истории более свободных людей, чем выразители великих революционных движений своего времени, абсолютные фаталисты и детерминисты – мусульмане в VII веке, пуритане в XVII веке и большевики в веке XX.*

Однако если личности ищут не борьбы и победы, но идеологическое обоснование отказа от борьбы, они с легкостью могут превратить освободительную философию фатализма в ее противоположность. Достаточно «забыть», что исторические законы – это законы деятельности людей и представить их как некую сверхъестественную силу, мистическим образом способную реализоваться без деятельности людей и даже в том случае, если размышляющие о свободе и детерминизме люди, ради практических выгод, действуют против мнимо надчеловеческих законов. Верх такого переворачивания был достигнут неким провокатором, который уже после Октябрьской революции написал покаянное письмо Максиму Горькому: «Я знал, что, предавая революцию, я поступаю как последний мерзавец. *Но я понимал, что победа революции неизбежна вопреки всем моим попыткам помешать ей, неизбежна в силу неумолимых законов истории – и потому продолжал делать свое черное дело.*»

Философствующий провокатор представляет собой предельный случай, однако аналогичные философские идеи преобладали во всей социал-демократии. Вся ее реальная деятельность была деятельностью реформистской, грядущая же революция, как считалось, придет когда-нибудь сама собой, в силу чудодейственного автоматизма законов истории. В результате, когда стихийные силы капитализма, развязав в 1914 г. мировую бойню, вызвали-таки революцию, левое крыло старой социал-демократии, искренне и всерьез хотевшее бороться за победу революции, оказалось полностью не готово к такой борьбе, и европейские революции 1917–1923 годов были разбиты...

Нужно подчеркнуть, что «марксизм» – идеологическая система, сформулированная впервые идеологами социал-демократии, начиная с Маркса, Энгельса и Каутского, отнюдь не тождественен мысли и теории Маркса (а равным образом Энгельса – несмотря на возможные оттенки в понимании тех или иных теоретических вопросов, Маркс и Энгельс всегда занимали одинаковые политические позиции, поэтому изыскания об их расхождениях принадлежат к интеллигентскому толчению воды в ступе). Теория Маркса несравненно глубже, живее, значительнее «марксизма». В ряде главнейших

положений марксизм прямо противоречил идеям Маркса (например, подменял реальные производственные отношения юридическими отношениями собственности, а уничтожение частной собственности – ее огосударствлением, тогда как в «Нищете философии» Маркс очень хорошо показал, что юридические отношения собственности являются лишь более или менее искаженным выражением реальных производственных отношений, а в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс напрямую связали уничтожение частной собственности с уничтожением разделения труда). Однако общественное значение имел именно «марксизм», а не мысль Маркса – «марксизм» как политическое течение и идеологическая система, сформировавшиеся в полемике с разными направлениями «утопического социализма» (бланкизмом, анархизмом, народничеством и т. д.).

Но тот, кто хочет свести трагедию перерождения рабочего движения к противостоянию безупречного революционера Маркса и извратившей его учение социал–демократии, тот просто–напросто боится идти до корня вещей. Уже раскол в 1850 г. Союза коммунистов на фракции Маркса – Энгельса и Виллиха – Шаппера означал разрыв единства революционной практики и революционной теории, достигнутого за три года до этого принятием буржуазных интеллигентов Маркса и Энгельса в Союз справедливых, ставший Союзом коммунистов. После этого разрыва практика могла пускаться на авантюры, а теория – засесть в библиотеку Британского музея. До каких трагедий доходила иногда лишенная теоретического компаса практика, показывает судьба бланкиста Бартелеми, от которого в момент революции была бы польза ничуть не меньшая, чем от Маркса с Энгельсом, но который погиб зря и без толку (о нем см. в «Былом и Думах» Герцена»). Теория же, отделившись от практической революционной борьбы, переставала быть революционной теорией.

Выйдя из–под влияния грубо–пролетарского коммунизма, Маркс и Энгельс волей–неволей очутились под влиянием британского тред–юнионизма. В итоге, когда рабочее движение стало оживать после поражений 1848–1849 гг. и был создан I Интернационал, по ясности революционной программы и революционного действия он намного уступал Союзу коммунистов и французским коммунистическим обществам 1830–1840–х годов, будучи коалицией самой разношерстной публики.

Недоброжелательство Маркса и Энгельса к классу странствующих подмастерьев, свойственные основоположникам марксизма прокапиталистические иллюзии, легализм и пацифизм расцвели пышным цветом в эпоху, отделяющую Союз коммунистов и I Интернационал. Итогом невнятно–умеренной политики I Интернационала, его идейной и организационной рыхлости стали его полное бессилие в качестве революционной организации, призванной бороться за власть, отсутствие с его стороны реальной физической помощи сражавшимся и умиравшим парижским коммунарам. Вот как описывает ситуацию Ян Махайский, один из немногих, кто пытался осуществить *пролетарскую критику марксизма* (присущие Махайскому многочисленные ошибки не отменяют замечательную ценность данной попытки):

"...Итак, в то время, когда международное движение рабочих выросло совершенно самостоятельно для реальной акции реального выражения политики пролетариата, стремящейся к захвату власти, Генеральный Совет Интернационала такой акции проявить был не в состоянии. На этой почве и выросло сепаративное движение бакунистов. Оно в особенности усиливается после Коммуны, которая застала врасплох Интернационал и

обнаружила полную его нежизнеспособность, ибо Интернационал не оказал коммунарам никакой помощи. Сделай тогда Интернационал хоть малейший революционный шаг, он подорвал бы в корне бакунинскую оппозицию.

Бесспорно, что Бакунин вначале со своей анархической проповедью обращался к буржуазным радикалам "Лиги мира и свободы". Несомненно также, что в его альянсе была, особенно вначале, масса непролетарских элементов. Но несмотря на это, фраза, которой отделяется от "сепаратистов" отчет Гаагской комиссии по поводу дела Бакунина, подписанный Марксом и Энгельсом, фраза, громко провозглашавшая, что это интрига, устроенная буржуазией для разрушения Интернационала, не более как простая уловка от сложного, непосильного дела. Если Марксу можно было, конечно, совсем не считаться с наивной программой Бакунина об уничтожении государства по декрету в первый день революции, а также с не менее наивной его теорией о построении социалистического общества на основе "прирожденного человеку чувства солидарности", то он не имел права третировать протест против своей политики многих десятков тысяч рабочих всех романских стран, Бельгии и Голландии, которые пошли за Бакуниным. Этот протест выражал, конечно, совсем не то, что о нем говорили его анархистские вожаки. Он не был выражением порицания той централизации, которую Маркс поставил в Интернационале на место единственно будто бы спасительного федерализма. Нет, это был протест против того, что централизм Интернационала не представлял собою никакого революционного содержания; протест возник не потому, что руководящий орган состоял из "якобинцев", готовящихся господствовать по низвержении современного строя, как утверждал Бакунин, а потому, что он не состоял из революционеров, из "коммунистов, представляющих на практике наиболее решительную, наиболее вперед идущую часть рабочих партий всех стран" ("Коммунистический манифест")" (А. Вольский (Ян Махайский). Умственный рабочий. Б. м., 1968, с. 86 - 87).

Бакунистские секции I Интернационала представляли собой все тех же пролетаризируемых ремесленников и крестьян, восстающих против наступающего капитализма в странах его второго эшелона (прежде всего – Италии и Испании, однако бакунистский характер имело и русское революционное народничество первой половины 1870-х годов). Бакунистский анархизм уступал, однако, старому французскому революционно–пролетарскому коммунизму в двух отношениях: 1) он не понимал теоретически необходимости борьбы за власть, за пролетарскую диктатуру, хотя потребности практической борьбы толкали его к попыткам реализовать пролетарскую власть; 2) он не понимал теоретически всего значения революционной организации, партии, хотя опять–таки властные потребности практической борьбы заставляли его создавать революционные организации.

В конце концов I Интернационал распался на марксистски–социал–демократическую часть, за правильной партийной формой которой отсутствовало революционное содержание, и на бунтарски–анархистскую часть, революционные импульсы которой рассеялись в хаотических попытках.

Единственными, кто были свободны от пороков парламентского политиканства социал–демократического марксизма и антипартийного аполитизма бакунистского анархизма, были бланкисты – представлявшие один из высших образцов пролетарской революционности в мировой истории. Кризис

I Интернационала они предлагали решить превращением его в штаб мировой революции – и естественным образом не нашли поддержки ни у немецкой социал-демократии, ни у испано-итальянского анархизма, не говоря уже о британских тред-юнионах.

Бланкистам, однако, были свойственны свои недостатки (прежде всего – французский патриотизм и недопонимание важности экономической борьбы пролетариата). Что еще важнее, вся мировая ситуация клонилась в противоположную сторону. В итоге штаб мировой революции бланкисты так и не создали, а через несколько десятилетий сами были переварены в общем котле французского реформизма.

За поражением Парижской Коммуны последовали другие поражения революционного пролетарского движения. В 1870-е годы это прежде всего провал анархистских восстаний во время Испанской революции 1868–1873 гг., неудача анархистских восстаний в Италии и революционного народничества в России. В последнем случае радикализация *методов* борьбы, переход к прямой вооруженной схватке с самодержавием происходила одновременно со снижением и ограничением *целей* борьбы, с превращением народничества из партии тотальной социальной революции в партию радикального буржуазного переворота. В 1880-е годы наиболее значительными поражениями были разгром пролетарского анархизма в Чикаго в 1886 году и гибель Польской социально-революционной партии «Пролетариат» – тоже одного из высших проявлений пролетарской революционности. Все это вместе означало, что революционное раннепролетарское движение на Западе закончилось. Наступила *эпоха социал-демократии*.

В одной из своих работ Корш, полемизируя против механического отождествления практики и теории, правильно отмечает, что эпоха наибольшей революционности немецкой социал-демократии приходится на 1860-1880-е годы, когда в ней господствовал не марксизм, но разнообразные мелкобуржуазные теории. Принятие же в Эрфуртской программе 1891 г. марксизма в качестве партийной идеологии явилось частью общего процесса реформистского перерождения.

Марксизм как идеология социал-демократии имел две души. Одна из них шла из революционного прошлого, от Бабефа и Бланки, из 1793 и 1848 г. – а равным образом питалась надеждами на революционное будущее. Вторая была реальной душой реформистского настоящего. Сосуществование двух душ в одном теле именуется *шизофренией*, а в политическом теле оно не может продолжаться долго.

Ревизионизм Бернштейна не был предложением новой практики, но лишь теоретическим оформлением существующей практики, он давал реальной реформистской практике теорию, которая подходила ей намного больше, чем идеи «Коммунистического манифеста». *«Мы беспощадны и не ждем никакой пощады от вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать наш террор лицемерными фразами», «Мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и сделать самих себя способными к господству»* – эти и подобные слова Маркса и Энгельса звучали как нелепый анахронизм для социал-демократических парламентариев, которые не собирались менять ни существующие условия, ни самих себя. Грозные тени Бабефа и Бланки, восстания, диктатуры и террора смущают покой буржуазного общества – от либералов до полицейских, – так пусть эти тени пребывают в музее древности!

Ортодоксальное крыло II Интернационала, выступившее против теоретического ревизионизма, в своей практике не слишком отличалось от него. Радикализм ортодоксов был радикализмом словесной пропаганды, их революция была делом неопределенного будущего. Их активность в настоящем сводилась к борьбе за прогрессивные реформы капитализма. Самыми характерными представителями такого теоретического радикализма были французские гедисты и болгарские тесняки, а его крупнейшим теоретиком – Плеханов. Гедисты и Плеханов капитулировали перед капитализмом с началом империалистической войны; тесняки, выдержав испытание войной, не выдержали испытание революцией, из-за своего доктринерства и пропагандизма оказались неспособны бороться за власть, проворонили болгарскую революцию и в 1918, и в 1923 годах, чем и закончили свое существование.

Левые течения социал-демократии апеллировали к революционной душе марксизма, той душе, которую ревизионисты приписывали тлетворному влиянию бланкизма. В чем проявлялись, однако, слабость, пропагандистская ограниченность и демократический оппортунизм даже левых течений социал-демократии, их неспособность серьезно ставить вопрос организованной борьбы за власть, которую они надеялись заменить мифической силой пролетарского самотека – это в том, что все они, как черт от ладана, шарахались от обвинений в бланкизме, даром что Маркс и Энгельс с большим уважением относились к Бланки (с большим, чем к кому-либо из современных им социалистов, кроме разве что Чернышевского) и называли его «вождем пролетарской партии во Франции». Даже Ленин открещивался от приписываемого ему меньшевиками бланкизма, хотя Ленин был на три головы выше всех лидеров левого крыла немецкой социал-демократии – от Розы Люксембург до Паннекука.

Классовый пролетарский протест против буржуазного строя и примирившейся с этим строем социал-демократии находил свое выражение в продолжавшем существовать анархизме и в возникшем в начале XX века революционном синдикализме. При всех достоинствах данных течений и при всем уважении к мученикам и героям пролетарского анархизма нельзя не признать, что ни анархизм, ни революционный синдикализм не стали компасом, показывающим пролетариату путь к его классовой диктатуре. В итоге анархизм остался теорией и практикой смелого индивидуального протеста, а синдикализм – радикальной экономической борьбы...

Все вышесказанное относится к Западной Европе, где цикл буржуазных революций и сопровождавших их революционных раннепролетарских восстаний закончился. Уже в Восточной и Южной Европе, в России и Испании, дела обстояли по-другому. Здесь развитие капитализма отставало по меньшей мере на полвека, на повестке дня со всей силой стояли задачи буржуазной революции, а преобладающим типом пролетария был вчерашний крестьянин или ремесленник. Все это сближало Россию и Испанию начала XX века с Западной Европой времен «Коммунистического манифеста».

Поэтому ни в России, ни в Испании социал-демократия не господствовала безраздельно в рабочем движении. В Испании социал-демократической НКТ противостояла анархистская НКТ, в России против меньшевиков выступали большевики, больше всего приближавшиеся к революционному марксизму 1840-х годов. Эсеры, из-за возобладания у них после революции 1905 г. правых течений, не сыграли в 1917 г. роли, которую могли бы сыграть, но о левых эсерах и максималистах еще предстоит сказать вполне заслуженное ими доброе слово.

А между тем внутренние противоречия капитализма, борьба империалистических держав за господство привели в 1914 г. к мировой войне. Начался 30-летний катастрофический период капитализма, период войн и революций. Как оказалось, это не был смертельный кризис капитализма, но кризис перехода от капитализма свободной конкуренции к государственно-монополистическому капитализму. Объективные условия созрели для цикла буржуазных революций на Востоке, но отнюдь не созрели для победоносной всемирной коллективистской революции.

1 августа 1914г. социал-демократия отнюдь не перешла из одного классового лагеря в другой, но всего лишь громогласно признала, в каком классовом лагере она давным-давно находится, признала себя тем, чем давно уже была: партией, обеспечивающей контроль буржуазии над пролетарскими массами. Марксизм раскололся, одна его душа встала против другой, «Коммунистический манифест» против «Предисловия к «Классовой борьбе во Франции»».

Беда заключалась в том, что левым течениям социал-демократии, при всех их хороших качествах, за долгие десятилетия «гражданского мира» и капиталистического прогресса неоткуда было взять умения бороться за пролетарскую власть. Революция была для них делом пропаганды о будущем, но не физической борьбы в настоящем. История Европы 1917–1923 гг. – это история проигранных и несостоявшихся революций. Через субъективную неумелость левых марксистских течений проявилась неспособность промышленного пролетариата совершить победоносную революцию.

Иначе, чем в Западной Европе, обстояло дело в России. Большевистская партия, выросшая на почве, удобренной кровью мучеников революционного народничества, многие десятилетия готовилась к непосредственной физической борьбе за власть. Русский пролетарий, в большей своей части недавно пришедший на фабрику из деревенской общины, стремился превратить назревающую буржуазную революцию в революцию пролетарскую. И такое перерастание буржуазной революции в пролетарскую произошло – в первый и в последний раз в мировой истории! Русская буржуазная революция переросла в революцию пролетарскую (хотя и не в социалистическую!). То, чего не смог сделать Заговор равных во главе с Бабефом, сделала большевистская партия во главе с Лениным.

Российский пролетариат смог организовать для захвата власти и победы над силами старой контрреволюции. Для чего он не мог организовать – так это для перестройки общества на коллективистских началах. Как показала история, на это был неспособен ни ремесленно-мануфактурный, ни фабрично-заводской пролетариат. Сделать это предстоит постНТРовскому пролетариату – иначе вид *Nomo sapiens* ждет судьба покойных динозавров.

Русская буржуазная революция победила. Пролетарская революция в России потерпела поражение. Импульс, данный ею буржуазной революции, был такой силы, что та превратила сермяжно-лапотную Россию во вторую империалистическую сверхдержаву. Борцы Великого Октября, начиная от Ленина, Троцкого, Спиридоновой и Махно и до миллионов рабочих, крестьян, солдат и матросов сражались за то, чтобы остановить мчащуюся по костям колесницу буржуазного прогресса, но на деле лишь придали этой колеснице невиданное ускорение.

Революционная волна 1917–1923 гг. привела к возрождению старого революционного коммунизма. Призраки насильственной революции и

пролетарской диктатуры внушали буржуазии ужас больше, чем когда-либо в прошлой истории. Программные документы первых двух конгрессов Коммунистического Интернационала, при всех их отдельных неточностях, входят в золотой фонд революционного пролетарского движения. Какое-то время казалось возможным даже преодолеть раскол революционного рабочего движения и осуществить объединение революционного марксизма и пролетарского анархизма.

Спад мировой революционной волны привел к вырождению и исчезновению революционного коммунистического движения, к откату Коммунистического Интернационала на прежние социал-демократические позиции. Перерождение Интернационала и перерождение Советской России шли рука об руку. Этот процесс облегчался тем, что иностранные компартии, на 95% состоящие либо из покаявшихся на две недели реформистов, либо из искренних, но неумелых полуреволюционеров, были для большевиков не помощниками и контролерами, но скорее обузой. Принятие теории «социализма в одной стране» означало конец Коммунистического Интернационала как организации мировой революции, а проведение с 1935 г. политики Народных фронтов – окончательное и бесповоротное превращение «коммунистических» партий в партии злейших врагов пролетариата, удерживающие его в рабстве у буржуазии.

Через год, в 1936 г., началась Испанская революция. Испания 1936 г. по своим социально-экономическим отношениям чрезвычайно напоминала Россию 1917 г. Разница состояла в том, что вместо большевиков в Испании были анархисты. Последствия такой разницы оказались огромны.

Буржуазная революция уже начиналась, но так и не началась в Испании в 1917 г. – о чем сейчас приходится сильно сожалеть. Европа 1936 г., фашизма и народных фронтов значительно отличалась от предреволюционной Европы 1917 г. Но еще не все было потеряно. Победа революции в Испании, установление здесь пролетарской диктатуры сильно изменили бы всю последующую историю Европы и мира. Все зависело от *революционной партии, т. е., в конкретных условиях Испании, от НКТ – ФАИ.*

(Кажется, что мы пускаемся в альтернативистское переписывание истории по присказке:

Если бы да кабы,
Да во рту росли грибы,
Это был бы не рот,
А прямо целый огород.

Но так только кажется. Если бы во рту росли грибы, это действительно был бы не рот, а огород. Но в силу объективных причин грибы не растут во рту, и поэтому он представляет собой рот, а не огород. Если бы испанские анархисты действовали иначе, мировая история повернулась бы по-другому. Но в силу глубоких объективных причин они не могли действовать по-другому, что ничуть не снимает с них исторической ответственности. Правильное понимание единства объективной обусловленности и субъективной ответственности выражено в древней религиозной мудрости: «Грех должен прийти в мир – но горе тому, через кого он приходит!»)

Вожди испанского анархизма в решающий момент с блеском показали, что они – не левее, а много правее большевизма, что революционной партией они ни в коем случае не являются, а пребывают на уровне стыдливо-центристской социал-демократии. Они отказались реализовывать собственную программу «вольного коммунизма», т. к. это было невозможно без взятия власти и

установления, по выражению одного из их лидеров, «авторитарной диктатуры анархистов».

Отказ от взятия власти с неизбежностью означал признание существующей буржуазной власти, власти Народного фронта. Побоявшись стать послезавтрашними контрреволюционерами, как стали ими в конце концов большевики, лидеры НКТ – ФАИ стали пособниками сегодняшних контрреволюционеров. Отказ от установления «авторитарной диктатуры анархистов» имел следствием победу сперва «авторитарной диктатуры» сталинистов и республиканцев, а затем «авторитарной диктатуры» Франко.

Действия вождей испанского анархизма были обусловлены не их анархистскими идеологическими убеждениями, но их объективным социальным положением как представителей *рабочей бюрократии* – точно такой же рабочей бюрократии, как и социал-демократические и «коммунистические» чиновники. Логика вещей реализовалась независимо от идеологических этикеток.

Испанская революция 1936-1937 гг. была последней пролетарской революцией эпохи двух первых мировых войн. Вторая мировая война закончилась победой буржуазно-крестьянских революций в Югославии и Албании, проигранной буржуазно-крестьянской революцией в Греции и капиталистической модернизацией сверху во всей Восточной Европе. Что еще значительнее по историческому охвату, это то, что она положила начало циклу буржуазных революций в колониальном мире. Но в этих революциях азиатский и африканский пролетариат, из-за своей слабости, сыграл намного меньшую роль, чем в европейских революциях – не только в Октябрьской, но и, пожалуй, в Великой Французской революции.

В Европе фашизм и антифашизм рука об руку довершили разгром пролетарского самостоятельного классового движения. Автоматизация производства имела своим *непосредственным* результатом еще большее подчинение пролетариев капиталистической системе. Контроль над пролетариатом социал-демократических и коммунистических партий связывал рабочую борьбу по рукам и ногам, вводил ее в пределы, приемлемые для буржуазии. Различные акции стихийной самостоятельной борьбы рабочих на первичном уровне (дикие стачки, волынка, саботаж и т. п.) также не выводили за границы буржуазного строя и были невероятно далеки от борьбы рабочих за власть. Разные мелкие левые группы, уцелевшие от прошлой революционной эпохи, ограничивали свою деятельность чистой пропагандой и в лучшем случае могли только передать теоретические приобретения прошедших революций следующим поколениям. До какой степени революционные выступления 1960-1970-х годов могут считаться первыми толчками назревающего под корой капиталистического консерватизма мирового переворота – покажет будущее.

В 1980-е годы исторический цикл, казалось, вернулся к исходной точке. Отступление пролетариата, начавшееся с поражения в 1920 г. Красной Армии под Варшавой, дошло до предела. В экономике восторжествовала, как утверждалось, неограниченная свободная конкуренция (на самом деле – неограниченное господство монополий), в политике – прикрытый легким демократическим флером полицейский консерватизм, при котором одна партия буржуазия похожа на другую, как две капли воды, а рядовой рабочий имеет шансы попасть под ментовско-бандитский каток на 2 порядка большие, чем в позднем СССР или в любом другом «государстве социального обеспечения» (Welfare State) 1945–1989 годов.

Социал–демократические и коммунистические партии во второй раз в своей истории признали себя тем, чем они были. Некогда они отказались от мнимой революционности и признали себя реформистскими партиями, в 1980–1990-е годы они отбросили мнимый реформизм и признали себя партиями консервативными. Зюганов или Путин, Блэр или Тэтчер, сильное государство при рыночной экономике или рыночная экономика при сильном государстве – кто найдет разницу?

Исчезновение реформистских партий (т. е. превращение их в партии консервативно–либеральные или либерально–консервативные) сопровождалось упадком профсоюзов, резким снижением их силы и контроля над массами. В итоге упадка реформистских партий и профсоюзов современный капитализм гораздо больше похож на капитализм 1800 или 1850, чем на капитализм 1900 или 1950 годов. Этот факт не устают оплакивать еще уцелевшие искренние реформисты: «Профсоюзы традиционно выступали не только как выразитель интересов наемных работников в борьбе за более высокую зарплату и лучшие условия труда, но и как фактор сдерживания классового конфликта. Профсоюзы придавали конфликту цивилизованную форму, делали возможным социальное партнерство. Глобализация привела к ослаблению профсоюзов. Парадоксальным образом это означает более жесткие социальные конфликты в будущем, больше насилия с обеих сторон, а также больше преступности» (Б. Кагарлицкий. Есть ли альтернатива неолиберализму? //Альтернативы, 2000 г., N 1).

Все большая и большая часть пролетариата, лишенная защиты как социального законодательства, так и профсоюзов, стоит перед капиталом как объект безжалостной и алчной эксплуатации. Все большему количеству пролетариев не на что надеяться в отстаивании своих классовых и человеческих интересов, кроме как на свою классовую и физическую силу. Все большую долю в пролетариате составляют рабочие–мигранты – пролетарии, у которых, как и у странствующих подмастерьев из Союза коммунистов, нет отечества, кого выгнала родина–мачеха и кого не принимает как равноправных жителей страна, которая выдавливает из них все жизненные силы. Им не на что надеяться, кроме как на всемирную и всеохватывающую социальную революцию, которая сметет границы наций и государств.

Старые общинные традиции еще сохранились в пролетариате стран Востока, капиталистическая модернизация которых произошла в XX веке. Этих традиций давно уже нет в пролетариате стран Запада. Однако в современном мире есть то, чего никогда не было прежде и что впервые в истории делает возможной победу коллективистской революции – *постНТРовские производительные силы, благодаря которым становится возможно уничтожить общественное разделение труда и тем самым классовое деление общества*. Объективная возможность победы коллективистской революции и субъективная готовность пролетариата к этой революции находятся в обратном отношении, чем были в революциях 1789–1936 годов, когда субъективная настроенность пролетариев на победу своей революции контрастировала с объективной невозможностью такой победы.

Хотя сегодня пролетарии впервые в истории могут *победоносно завершить* свою революцию, им во сто крат сложнее, чем 150 лет назад, ее *начать*. Силы реакции и консерватизма, скопившиеся за долгие столетия капиталистического господства, удерживают пролетариев в состоянии подавленности,

приниженности и пассивности. Только великие катастрофы могут выбить их из этого состояния, толкнуть к борьбе за свою власть.

Имя этим потрясениям – *мировая война* (хотя не только. Аргентинская революция 2001 г. началась в результате государственного банкротства). Война, при всех ее ужасах и зверствах, даст пролетариям в руки оружие, избавит их от страха смерти, поставив перед выбором: либо умереть как покорные рабы капитала, либо умереть – но победить, – сражаясь за свое освобождение.

Все мировые события 1990-х – начала 2000-х годов представляют собой подготовку грядущей империалистической войны. Межимпериалистическое равновесие 1945–1989 годов – в безвозвратном прошлом, мир вступил в новую эпоху войн и революций.

Современные капиталистические государства от методов подчинения пролетариата посредством частичных уступок ему и контроля над ним реформистских партий и профсоюзов вернулись к бескомпромиссной диктатуре буржуазной олигархии, господствующей над атомизированной, задавленной и безжалостно эксплуатируемой пролетарской массой. Действие рождает противодействие, освободительная борьба пролетариата, лишенная узды реформизма, неминуемо примет формы, во многом аналогичные формам революционного пролетарского движения 1789 – 1936 гг. Доказательства тому – албанское восстание 1997 г. и аргентинская полуреволюция 2001 г. Революционный коммунизм вновь встанет в порядок дня – коммунизм, представителями которого Бабеф, Бланки и Ткачев были ничуть не меньше, чем Маркс, Ленин, Троцкий и Бордига.

* * *

Очень многие идеи, сформулированные Марксом и Энгельсом, а равным образом их великими учениками – Богдановым, Лениным, Троцким, Бордигой и другими, масштабом поменьше, без всякого сомнения, войдут в теорию грядущего революционного пролетарского движения. Но «марксизм», как идеологическая система социал-демократического реформизма (сталинизм и троцкизм являются лишь его разновидностями), должен быть подвергнут беспощадной критике и отброшен – как прививатель пролетариату таких служащих классовому врагу качеств, как буржуазный прогрессизм, эволюционизм, пацифизм, легализм, парламентаризм, просветительский пропагандизм, и, в силу этого, двусмысленный пособник классового врага. Дискуссии, что является, а что не является «истинным марксизмом», представляют пустую забаву, ибо на каждую цитату можно найти контрцитату. Предоставим мертвым хоронить своих мертвецов, и пойдем дальше. Маркс – наш, хотя не единственный, учитель, но настоящий последователь учителя – тот, кто идет дальше него, а не тот, кто сидит на его могиле.

В заключение рассмотрим, что из *теории* Маркса (попыткой анализа *политики* Маркса было все вышесказанное) сохраняет свое значение.

* * *

Мировоззренческая система, именуемая диалектическим материализмом и изложенная сперва в «Анти-Дюринге» Энгельса, а затем развитая в других работах Энгельса, Плеханова и Каутского, не была созданием Карла Маркса – что само по себе не говорит ни за, ни против ее правильности. Когда молодые

Маркса и Энгельс занимались философией, они не были коммунистами, когда они стали коммунистами, то отбросили философию как праздную буржуазную забаву. «Анти-Дюринг» был написан в политических и полемических целях, и с философской стороны представляет собой полемику Энгельса против попытки Дюринга создать «мировую схематику» - «мировую схематику», в которую так называемая «марксистско-ленинская философия» превратила затем идеи самого Энгельса. Главное в диалектическом материализме – взгляд на мир как на развивающееся самодостаточное целое – является правильным и достаточным с точки зрения классовой борьбы. При этом справедливость требует признать, что подобный взгляд Бакунин и Дидген отстаивали ничуть не хуже Энгельса. Попытки детализации и точного выяснения количества «законов диалектики» являются, как и вся философия, праздным отвлечением от классовой борьбы. В коммунистическом обществе и философия, и частные науки объединятся в единую всеобщую науку, но попытки создания такой науки сейчас являются явно преждевременными (что показал неудачный опыт Богданова – единственного ученика Маркса, кто в теоретически-мировоззренческих вопросах не только не уступал учителю, но превзошел его). Как сказал великий буржуазный революционер Мао Цзедун, наше дело сегодня – завоевать Землю, остальную Вселенную мы завоюем потом.

Как правильно отметил Энгельс в своей речи на похоронах Маркса, главными научными заслугами Маркса были, во-первых, создание теории исторического материализма, во-вторых, ее применение к капиталистическому обществу, что сделало возможным понимание объективной неизбежности гибели последнего. Эти великие заслуги Маркса сохраняют все свое значение и сегодня. Однако нужно помнить, что Маркс не мог из ничего создать общественную науку в целостном объеме и неизменных формах, но лишь заложил основы ее. История физики не кончается со смертью Галилея или Ньютона, история биологии – со смертью Линнея или Дарвина, точно так же исторический материализм, чтобы жить, должен развиваться.

Факт эксплуатации рабочих капиталистами известен каждому рабочему, к научному объяснению этого факта приблизились уже социалисты-рикардианцы. Идущие почти столетие дискуссии марксистских экономистов, какие же именно экономические причины приведут капитализм к крушению (тенденция нормы прибыли к падению, исчерпание внекапиталистических рынков, или же чисто экономические причины по самой своей природе неспособны сбросить капитализм в пропасть, и для этого потребуются революционное политическое действие), доказывают, что экономическая теория Маркса жива не как законченная догма, но как метод понимания капитализма в целях его уничтожения.

В теории исторического материализма нужно различать, во-первых, теорию, впервые открытую Марксом и Энгельсом, а во-вторых, ее понимание и применение самими Марксом и Энгельсом - понимание и применение, далеко не всегда правильные.

Данная Энгельсом характеристика Сен-Симона, который, «хотя и был, наряду с Гегелем, самой универсальной головой своего времени, однако, был ограничен, во-первых, уровнем своих собственных знаний, а во-вторых, уровнем знаний своей эпохи», полностью приложима и к самим Марксу и Энгельсу. Они были тоже ограничены своим опытом, равно как и уровнем развития исторической науки своего времени.

При жизни Маркса и Энгельса сколько–нибудь изучена была история только Западной Европы. В силу этого неизбежно происходило ошибочное перенесение особенностей западноевропейского процесса на всю всемирную историю. Поскольку в Европе давно уже преобладала частная форма эксплуатации, то присущие последней свойства возводились во всеобщие законы, благодаря чему официозная «марксистская» история была неспособна понять ни многие явления прошлого, ни многие явления будущего. Теория Руссо, согласно которой сперва возникли классы богатых и бедных, а лишь затем богатые создали государство, была названа теорией Маркса. Эксплуататорская собственность была отождествлена лишь с одной из ее разновидностей – частной собственностью. Из отдельных формулировок Маркса и Энгельса о бонапартизме следовало, что государство может иметь надклассовый характер, и постепенно в марксизме возобладал взгляд, будто «бюрократия» (государственный аппарат) является не частью эксплуататорского класса, а некоей внеклассовой прослойкой.

Историческая наука в XX веке не стояла на месте. Ею был изучен огромный массив докапиталистических обществ. Одновременно с этим опыт сталинизма и государственно–монополистического капитализма показал, что политико–экономические отношения свободно–конкурентной Англии XIX века отнюдь не задают правило, но, скорее, представляют собой недолговечное исключение.

Возникновение классов и всей эксплуататорской цивилизации было результатом изменений не в сфере потребления и распределения (т. е. появления неизвестно откуда взявшихся излишков), но в системе производства – результатом усложнения трудовых процессов, что создавало общественное разделение труда и вело к росту производительности труда и появлению излишков. Усложнение процессов производства делало необходимым выделение слоя профессиональных организаторов, руководителей этих процессов. Еще вчера избираемые, сменяемые, подконтрольные и пользовавшиеся разве только повышенным уважением вожди племени становились особым общественным слоем – будущим эксплуататорским классом. Чем дольше исключительно они управляли общинной собственностью, тем больше эта собственность становилась исключительно их собственностью – *собственностью класса эксплуататоров, организованного в государство – государственной собственностью*. Именно государственная собственность была первичной формой эксплуататорской собственности. Лишь в течении долгих веков и тысячелетий из нее медленно и мучительно вычленилась другая форма эксплуататорской собственности – частная.

*Производственные отношения – это не юридические отношения собственности, но реальные отношения людей в процессе производства. Отношения собственности являются лишь выражением отношений управления, иначе говоря, отношений **власти**. Сама собственность есть не что иное, как экономическая власть. Коллективистское (по старой терминологии, коммунистическое) общество – это такое, где нет деления на управляющих и управляемых, властвующих и подвластных.*

Эксплуататорский класс в разных обществах и в разные эпохи делится обыкновенно, в разных пропорциях, на частную и государственную подгруппы, которые, грызаясь между собой за долю в прибавочном продукте (как грызутся в современной России чиновники и олигархи), в то же время объединены отниманием этого продукта у непосредственного производителя. Бюрократия является не межклассовой прослойкой, но частью эксплуататорского класса – государственными эксплуататорами, причем в ряде случаев (от Инкской

Империи до Советского Союза) эта часть практически совпадала со всем эксплуататорским классом.

Все это подтверждает теорию исторического материализма, для которой общество является системой производства и разделения труда. То, что именно так понимали дело Маркс и Энгельс, доказывает «Немецкая идеология». То, что они не остались одиноки в таком понимании, доказывают работы Богданова – единственного ученика Маркса, в теории превзошедшего учителя.

Чему не соответствует строгая система исторического материализма – так это учебникам «марксистской философии». Поэтому лучше называть систему исторического материализма ее собственным именем. Ведь нелепо было бы называть «ньютонизмом–эйнштейнизмом» современную физику.

10 тезисов о марксизме сегодня (2003 год).

- 1. В наступившую эпоху тоталитарного капитализма марксизм как идеологическая доктрина реформистского рабочего движения является теоретически несостоятельным и практически контрреволюционным.**
- 2. Под «марксизмом» мы понимаем не теорию исторического материализма, открытую Марксом и сохраняющую все свое научное и революционное значение, несмотря на ограниченную форму и ошибочные конкретизации, которые она неизбежно имела у самого Маркса. Марксизмом называется идеологическая система реформистской эпохи в рабочем движении, созданная Марксом, Энгельсом, Плехановым, Каутским и другими идеологами социал-демократии в противостоянии как с врагами справа (лассальянством, прудонизмом и т. п.), так и с врагами слева (бланкизмом, бакунизмом, революционным народничеством) и унаследованная произошедшими от социал-демократии течениями, до троцкизма включительно.**
- 3. Следующие черты характеризовали марксизм и делали его антагонистом пролетарского революционного коммунизма: 1) замена революционного катастрофизма капиталистическим прогрессизмом и отождествление капиталистического прогресса с революцией пролетариата; 2) соединение пропагандистской революционности для неопределенного будущего с реальным реформизмом в настоящем, следствием чего был перенос революционных целей и методов борьбы в прекрасное далеко и ограничение практической деятельности реформистскими целями и методами; 3) неизбежное для эпохи, когда прогрессивный цикл капитализма еще не завершился, сведение борьбы пролетариата к борьбе за буржуазную революцию и буржуазные реформы, за развитие и улучшение капитализма, а не за его тотальное уничтожение. Следствием этого была критическая поддержка буржуазных национальных движений и прочая политика блоков с прогрессивной буржуазией.**

4. Неотъемлемыми и неуничтожимыми чертами марксизма, делающими его контрреволюционной по отношению к пролетарской революции силой, были демократизм, парламентаризм, легализм, просветительский пропагандизм и практический патриотизм. Будущее революционное пролетарское движение должно будет избавиться от подобного хлама.
5. Следствием контрреволюционных свойств возобладавшего в рабочем движении марксизма была парализация левых течений рабочего движения, их неспособность практически бороться за власть. Это стало субъективной причиной поражения пролетарских революций 1917-1923 гг. (через которую проявилась неспособность промышленного пролетариата самоорганизоваться для взятия и удержания власти) – кроме Октябрьской революции, возглавившие которую, в союзе с немарксистскими левыми эсерами, максималистами и анархистами большевики, при всех их ограниченностях и ошибках, в силу многих причин стояли много ближе к пролетарскому революционному коммунизму, чем другие течения II Интернационала. Однако ввиду указанной неспособности фабрично–заводского пролетариата самоорганизоваться для коммунистического преобразования мира, Октябрьская революция не переросла и не могла перерасти в мировую коллективистскую революцию, оставшись радикальной буржуазной революцией.
6. Все вышесказанное не отрицает ни великого мужества миллионов борцов пролетариата, сражавшихся и умиравших под знаменем марксизма, ни значения для теории освободительного движения пролетариата идей Маркса и Энгельса, а равно их великих учеников – Богданова, Ленина, Троцкого, Бордиги и др. Однако не меньшее значение для будущего революционного движения пролетариата имеют революционный коммунизм Бабефа, Бланки и Ткачева, революционное народничество вплоть до левого эсерства и максимализма, анархизм Бакунина, синдикализм Сореля и пролетаризм Махайского. Вдохновляющим примером для него, наряду с русскими большевиками и немецкими спартаковцами, будут герои всей освободительной борьбы угнетенных классов в мировой истории – борцы крестьянских восстаний, плебейских ересей, уравнилельного коммунизма, революционного народничества и пролетарского анархизма.
7. Победу всемирной коллективистской пролетарской революции делают возможной постНТРовские автоматизированные производительные силы, а необходимой – гибель человечества, неизбежная в случае сохранения капитализма.
8. Эта революция будет самой великой, радикальной и беспощадной революцией в мировой истории. Радикальность

и беспощадность будут одинаково присущи и ее целям, и ее методам.

9. Эта революция уничтожит всю систему капиталистического производства, иначе говоря, уничтожит разделение труда, классы, товарное производство, государство, нации, семью, религию, философию и буржуазные науки.
10. Что требуется сейчас от потенциальных революционеров для субъективной подготовки такой революции – это отказ от умерших идеологических систем и единство революционной мысли и революционного действия.

О. Дубровский

Украина: развитие антипрофсоюзного законотворчества

13 декабря 2001 г. украинский буржуазный парламент принял закон «**О внесении изменений в Закон Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»**», который вступил в силу с его опубликования 16 января 2002 г. в печатных органах парламента и правительства, - газетах «Голос Украины» и «Урядовый Курьер».

Пресса ФПУ, этих «традиционных» или «официальных» лже-профсоюзов, откликнулась на это важное событие комментариями о значительном расширении прав профсоюзов, «скромно» добавляя при этом, что в «некоторых сферах» наметилось их сужение.

С такой оценкой согласиться нельзя. Принятая буржуазным парламентом новая редакция закона «**О проф. Союзах...**» подрывает основные позиции молодого украинского тред-юнионизма на самом важном – низовом участке деятельности, чрезвычайно сужая возможности профсоюзного сопротивления произволу «работодателей» непосредственно на предприятиях.

Обратимся к тексту закона, к тем изменениям в нем, которые внес туда законодательный акт от 13.12.2001(16.01.2002).

Украинское буржуазное законодательство о труде до сих пор предусматривает такую норму, как согласие или несогласие комитета первичной профсоюзной организации на увольнение работника - члена профсоюза администрацией предприятия. Сплошь и рядом лишь необходимость формального соблюдения этой нормы (т. е. безропотно-послушного получения согласия на увольнение) заставляло администрацию различных ОАО (вчерашних гос. предприятий) содержать и терпеть на своей территории марионеток из «традиционных» профсоюзов. Альтернативное профдвижение, при всей своей малочисленности и слабости, на уровне первичных организаций защищало

своих членов от расправ увольнением именно через использование этой нормы закона, что, в свою очередь, стимулировало их тред-юнионистскую активность. Рассматриваемые изменения в законе «**О проф. союзах...**» торпедируют это, неприемлемое для «отечественных товаропроизводителей» положение.

Профсоюзный комитет не дает согласия на увольнение рабочего - члена профсоюза? Хорошо. Но теперь он должен достаточно убедительно обосновать свой отказ. Замечательное нововведение! Основная защитная функция профсоюза на предприятии перечеркнута: «работодатель» получил право сам оценивать убедительность своих мотивов для расправы над тем или иным рабочим! Допустим, собственник предприятия (или его администрация) не нашел (так будет в подавляющем большинстве случаев!) в решении профкома достаточно убедительного «**обоснования отказа в согласии на увольнение**». Тогда «**работодатель имеет право уволить работника без согласия выборного органа профсоюза**». Это наиболее важное, наиболее серьезное по своим последствиям, покушение на права профсоюзов в последнем произведении антипрофсоюзного законодательства украинского буржуазного парламента.

Рассматривая следующую позицию новой редакции закона «**О проф. союзах**», предпримем небольшой исторический экскурс.

Отдельные полуподпольные и подпольные попытки по созданию альтернативного профдвижения предпринимались еще в условиях «зрелого социализма», за что КПССовский режим карал активистов таких эмбриональных тред-юнионов, как СМОТ, лишением свободы на длительные сроки, всего лишь за несколько лет до начала «перестройки». Перестроечная «демократизация и гласность», при всей своей ущербности и противоречивости, дала сильнейший толчок зарождению и развитию нового тред-юнионизма. В этот период всплеска общественной активности создатели «свободных» или «независимых» профсоюзов довольно быстро вышли на задачу количественного роста. Привлечение в новые профсоюзы всегда чего-то опасующихся, настороженных, если не сказать запуганных, напрочь лишенных каких-либо понятий о классовой самоорганизации «советских» рабочих, оказалось очень непростым делом. Именно тогда, среди тред-юнионистов возникла инициатива о предоставлении привлекаемым в альтернативное профдвижение рабочим статуса двойного членства. Это означало, что от новых членов новых союзов не требовалось рвать с марионетками и штрейкбрехерами от ВЦСПС (нынешней ФПУ). Находясь у самых истоков «перестроечного» возрождения тред-юнионизма в Украине, автор этой статьи (ему пришлось в 1990 г. некоторое время быть членом первого состава Координационного Совета Укрсоцпрофа) принял тогда участие в дискуссии по поводу этой инициативы, категорически против нее возражая. Или мы, или они! Или организованная пролетарская солидарность, или бюрократический отстойник ВЦСПС! Члены новых, действительно рабочих союзов одновременно содержат своими взносами «красную» профбюрократию, эту подлую агентуру классового врага?! Стоило так поставить вопрос, и вся абсурдность двойного членства становилась, казалось бы, ясной. Но, к сожалению, в то время возобладала точка зрения тех, кто в погоне за численностью отказывался требовать от новых членов разрыва с «официальными» лже-профсоюзами. Такое положение в украинском тред-юнионизме сохранилось до сих пор, и буржуазные парламентарии явно решили его использовать в интересах своего класса.

Если рабочий, - говорит закон «**О внесении изменений в закон Украины «О профессиональных союзах...»**» - которого собрался уволить «работодатель»,

состоит одновременно членом первичных организаций нескольких союзов, действующих на данном предприятии, то все тот же «работодатель» получил право выбора – в какой профком обращаться за получением согласия на увольнение. Куда он обратится? Ответ ясен, - прежде всего, к своим «традиционным» марионеткам.

Новый закон также расширяет возможности «работодателей» (закон в основном оперирует этим термином; в предыдущих антирабочих законодательных актах преобладало определение «**собственник или уполномоченный им орган (представитель)**») по применению формальных репрессий к действующему или к бывшему профактиву на предприятии. Так, в первоначальной редакции закона «**О проф. союзах...**», увольнение бывших членов профсоюзных комитетов на предприятии не допускалось на протяжении двух лет со дня прекращения их полномочий. Новая редакция закона сократила этот срок до года. Ст. 41 закона «**О проф. союзах...**» предусматривала, что тот формальный прессинг, которому «работодатель» может подвергнуть не освобожденных от основной работы председателей профсоюзных комитетов на своем предприятии: «**изменение условий трудового договора, оплаты труда, привлечение к дисциплинарной ответственности**», - оказывался возможным только при наличии согласия вышестоящих проф. органов. Теперь все иначе. Профсоюзные структуры («**вышестоящие проф. органы**») лишены легальной возможности ограждать свой низовой актив от преследований «работодателя». Теперь последний может «**изменить условия оплаты труда**» и т. п. не только неосвобожденным председателям профсоюзных комитетов на предприятии, но и рабочим - членам этих комитетов, «**по предварительному согласию выборного органа, членами которого они являются**». Как и ряд положений принятого в сентябре 1999 г. (15.09.1999) закона «**О проф. союзах...**», эта новая норма явно паразитирует на поразительной пассивности украинского пролетариата. Несмотря на десять лет социально-экономического избиения рабочего класса, в промышленном производстве, и прежде всего на огромных предприятиях тяжелой индустрии, подавляющее большинство рабочих по-прежнему состоит в омертвевше-фиктивных структурах «официальных» профсоюзов, в заводских комитетах которых все так же сидят практически непереизбираемые ставленники администрации. Время от времени апатично-пассивная рабочая масса выталкивает на арену тред-юнионистской борьбы отдельных рабочих активистов, которые, как правило, оказываются в составе структур «официального» профсоюза на производстве в плотном окружении злостных штрейкбрехеров – агентов администрации. Такие «**выборные органы**», конечно же, дадут свое «**предварительное согласие**» на репрессии по отношению к «белым воронам» в их составе. Характерно, что даже новая, ужатая по своей продолжительности в два раза, гарантия неувольнения бывших членов профсоюзных комитетов, не распространяется теперь на тех активистов, которые, решением этих органов, будут выведены из их состава или сами сочтут невозможным свое пребывание там. Новая редакция закона «**О проф. союзах...**» дает возможность «работодателю» сразу избавляться от таких «подрывных элементов».

Принимая во внимание эти законодательные новшества, и учитывая современное состояние украинского тред-юнионизма, можно сказать: в условиях тотальной пассивности промышленного пролетариата, членство в завкомх «официального» профсоюза превращается в своеобразную ловушку для тех

рабочих активистов, которые еще имеют какие-то иллюзии относительно возможности реформирования снизу этих структур.

Закон «**О внесении изменений ...**» также значительно сократил легальные возможности профсоюза воздействовать на качество охраны труда на предприятии. Так, исключено право профсоюзного комитета требовать от собственника предприятия расторжения контракта с руководящими администраторами за нарушения законодательства по охране труда. Одновременно исключены полномочия профкома по осуществлению контроля над тем, как «работодатель» возмещает наемному работнику ущерб, связанный с производственным травматизмом или с **«другими повреждениями здоровья, связанными с производством или с выполнением им трудовых обязанностей»**.

Теперь зададимся вопросом: но были ли основания для утверждений «официальных» профбоссов о том, что новая редакция закона «**О проф. союзах...**» значительно расширила права союзов?

Да, некоторые основания были. Но расширение легитимизированных прав и возможностей украинского тред-юнионизма в наибольшей степени касается прерогатив проф. бюрократии, полномочий профсоюзного руководства в его отношениях с органами буржуазного государства и «союзами промышленников и предпринимателей», что ни в коей мере не компенсирует законодательного наступления на профсоюзы непосредственно на производстве. Подрыв профсоюзных позиций на предприятиях подрывает прочность позиций любого тред-юнионистского руководства и показывает, что «социальный партнер», то бишь классовый враг, прекрасно понимает преобладающую важность низового уровня профсоюзной деятельности.

Перечислим «расширяющие» законодательные нововведения:

1. Новая редакция ч. 3 ст. 12 запрещает вмешательство не только органов гос. власти, но и «работодателей», в уставную деятельность профсоюзов. Текст закона «**О проф. союзах...**» от 15.09.1999 также запрещал подобное вмешательство, но делал при этом примечательную оговорку: если вмешательство это **«может привести к ограничению прав профсоюзов или препятствует законному осуществлению их уставной деятельности»**. Это значит, что, в принципе, вмешательство не отрицалось и что именно профсоюзам пришлось бы доказывать (очевидно, в суде), что имеющее место вмешательство буржуазного государства или, собственно, буржуазии в деятельность организации наемных работников, в данном конкретном случае, ограничивает ее права или мешает уставной деятельности. В новой редакции такие двусмысленности устранены.
2. Как известно, Конституционный Суд Украины, встав на страже буржуазно-демократических свобод, своим решением от 18.10.2000 опротестовал норму разрешительной регистрации вновь создаваемых профсоюзов и их объединений, содержащуюся в первоначальной редакции закона «**О проф. союзах...**». Можно сказать, что новая редакция закона делает следующий шаг в этом направлении – в направлении либерализации трудового права, ограничивая государственную регламентацию деятельности тред-юнионов. Так, из ст. 13 исключено положение, связывающее законодательные гарантии организации и деятельности профсоюзов с

их легализацией, которая должна была наступать после их разрешительной (после вмешательства Конституционного Суда – уведомительной) регистрации. Теперь (что отображено также в изменении текста ст. 16) профсоюзы легализуются и получают статус юридического лица «с момента утверждения устава». Легализация путем регистрации на соответствие заявленному статусу (статус профсоюза в Украине: первичный профсоюз; областной; региональный; республиканский (для автономной республики Крым); всеукраинский – описывается ст. 11, которая также подверглась некоторым изменениям) сохраняется и осуществляется, согласно ч.1 ст.16, «для ведения переговоров на соответствующем уровне договорного регулирования трудовых, социально-экономических отношений».

3. Если деятельность профсоюзов нарушает законы украинского буржуазного государства, то теперь она может быть запрещена только по решению местного суда, а профсоюза с республиканским или всеукраинским статусом - лишь по решению Верховного Суда Украины (новая редакция ч. 3 ст. 18)
4. Новая редакция ч. 9 ст. 21 указывает, что на представление профсоюза об устранении нарушений трудового законодательства, «работодатели» и органы гос. власти обязаны дать аргументированный ответ в месячный срок. Прежняя редакция, указывая на обязательность такого ответа, не содержала, однако, указания на какие-либо временные рамки. Ст. 21 также дополнена нормой (ч. 10) о том, что профсоюз может обжаловать действие или бездействие государственных чиновников в местном суде.
5. Закон «**О проф. союзах...**» зафиксировал право профсоюзов и их объединений на получение информации о результатах хозяйственной деятельности предприятий в десятидневный срок с момента запроса. Новая редакция закона сократила этот срок до пяти дней. Внесенные изменения также обязали «работодателя» в случае задержек с выплатой заработной платы, нарушать т.н. коммерческую тайну в ответ на требование профсоюза. «Работодатель» должен предоставить сам или дать разрешение на получение профсоюзом информации в банках о наличии средств на счетах предприятия. В случае отказа «работодателя» сделать это, профсоюзу предоставлено право обращаться в суд.
6. Среди «расширительных» статей новой редакции закона «**О проф. союзах...**» наиболее интересна ст. 38, определяющая полномочия выборного органа первичной профсоюзной организации. Теперь эти полномочия определены таким образом, что профком не просто фиксирует свое согласие (или несогласие) с предложенной «работодателем» оплатой труда (ее форм и систем, расценок, тарифных сеток, схем должностных окладов, надбавок, премий, доплат, вознаграждений и «**других поощрительных компенсационных выплат**»), но совместно с ним разрабатывает и решает эти основные условия продажи рабочей силы членов профсоюза на данном предприятии. У профсоюзного комитета, согласно новой редакции ст.38, даже появилось право требовать от собственника предприятия расторжения контракта с директором,

если тот нарушает закон **«О проф. союзах...»**. Однако, положения этой статьи подразумевают наличие первичной организации лишь одного союза на предприятии. А как же быть там, на тех заводах и фабриках, где уже действуют несколько профсоюзов?

Решать **«совместно с работодателем»** вопросы оплаты труда профсоюзному комитету в основном придется в ходе колдоговорной кампании, в период подготовки проекта коллективного договора. Одно из наиболее дискриминационных по отношению к новым, альтернативным союзам, паразитирующее на современном состоянии украинского тред-юнионизма и рабочего класса в целом, положений закона **«О проф. союзах...»** говорит о том, что на предприятии, где действует несколько профсоюзов, коллективный договор может быть только один. Для ведения переговоров с «работодателем» по заключению единого колдоговора, для заводских комитетов разных союзов предусматривается обязательное участие в паритетной комиссии. Представительство каждого профсоюза в такой комиссии определяется прямо пропорционально числу членов их первичной организации на данном предприятии. Отказ какого-либо профкома от участия в такой паритетной комиссии (или выход из нее) влечет исключение соответствующего профсоюза за рамки легитимно-легальной тред-юнионистской деятельности на данном предприятии. В этом случае «работодатель» получает право игнорировать «первичку» такого союза на вполне законных основаниях. В контексте украинских реалий, полномочия выборного органа альтернативного тред-юниона, гарантированные новой редакцией ст. 38, практически аннулируются. Они сводятся к принудительному участию в паритетной комиссии, где, пребывая в заведомом меньшинстве, можно будет сколько угодно голосовать против предательской политики «официального» большинства, не имея возможности отмежеваться от нее и лишь дискредитируя в глазах рабочих альтернативный тред-юнионизм. Обязательная паритетная комиссия, - это капкан, лишаящий новые профсоюзы какой-либо возможности проводить самостоятельную политику по отношению к «работодателю», и следовательно, возможности развиваться, завоевывая авторитет и влияние в рабочем коллективе.

Говоря об украинских реалиях, следует также отметить, что правовая информированность, правовая грамотность промышленных рабочих находится на катастрофически низком уровне. Не имея практически никаких понятий о возможности существования организаций и органов классовой самозащиты, исправно платящие членские взносы в «официальный» лже-профсоюз, рабочие часто задаются вопросом: а зачем вообще нужен профсоюз?! Сами структуры «официально-традиционных» профсоюзов, числящие в своем составе подавляющее большинство рабочих почти каждого промышленного предприятия (в 2002 г. ФПУ декларирует 16 млн. членов), не ведут никакой работы по ликвидации чудовищной безграмотности своих членов в вопросах действующего буржуазного трудового права.

Март 1995 г. – закон Украины **«Об оплате труда»**; ноябрь 1996 – закон **«Об отпусках»**; март 1998 – закон **«О коллективных трудовых спорах и конфликтах»** (т.н. закон о забастовках); сентябрь 1999 – закон **«О проф. союзах...»**; январь 2002 – новая редакция закона **«О проф. союзах...»** – ни по одному из этих важнейших, для наемных рабочих, законодательных актов

буржуазного парламента, комитеты «официальных» профсоюзов на предприятиях не организовали никакой разъяснительно-просветительской работы. Более того, они вообще не информируют своих членов об изменениях и развитии буржуазного трудового права, не будируют их общественное мнение на протест или поддержку того или иного законодательного нововведения во взаимоотношениях труда и капитала. К сожалению, основная масса рабочих ничего не знает и знать не хочет, как об этих законах, так и вообще о действующем КзоТе. Агентура «работодателей» из лже-профсоюзов от ФПУ (сплошь и рядом – старые ВЦСПСовские кадры) сознательно способствует этому положению, совместно с «офицерами» капитала эксплуатируя темноту и невежество пролетарских масс.

Апатия, полное неверие в собственные силы, правовая безграмотность, помноженная на правовой нигилизм, дают чрезвычайно удручающую картину: многообразный произвол «работодателей», игнорирующих даже собственное буржуазное трудовое законодательство, воспринимается рабочими как норма трудовых отношений. Начальство что хочет, то и делает, - так было всегда... Отстаивать какие-то свои права – себе дороже будет. Нам, чтобы «жить, работая», надо подчиняться и приспосабливаться к этому произволу... Вот такая наиболее общая канва «правовых» рассуждений украинского промышленного рабочего на рубеже XX-XXI ст.

Небольшая «зарисовка с натуры», как иллюстрация к этой статье. Ее автор работает трубопрокатчиком на государственном предприятии по производству особотонкостенных высокоточных труб из различных сплавов, которое завязано на российский ВПК (авиамоторостроение, ракетостроение и т. д.). Кругом достаточно сложное оборудование, квалифицированные, технически весьма грамотные рабочие. Все они (кроме автора этой статьи) состоят номинальными членами (т.е. платят членские взносы) фиктивной первичной организации «официального» профсоюза работников горнодобывающей и металлургической промышленности. В марте-2002 автор опросил рабочих своего участка – что они знают о принятой парламентом в январе новой редакции закона «**О проф. союзах...**»? Ни один из них, в том числе, ни назначенный начальством (!) профгруппорг, ни самоназначившийся по согласованию с начальником цеха (по другой версии – просто назначенный администрацией) (!) председатель фиктивного цехового комитета не только ничего не могли сказать о содержании изменений, внесенных в закон « **О проф. союзах...**», но даже не знали о его существовании...

В то же время, в марте 2002 г., силами администрации (!) (были задействованы сменные мастера и начальник участка) была проведена перерегистрация членов «официального» профсоюза. Т. н. профактив не участвовал даже в этом спектакле. Председатель «цехкома» лишь передал готовые бланки заявлений начальнику участка. Эта чудовищная профанация не встретила ни у кого из рабочих ни возмущения, ни каких-либо возражений. Даже несколько прокатчиков, незадолго до этого соглашавшиеся с доводами автора о необходимости рвать с лже-профсоюзом, покорно подписали разносимые мастерами по рабочим местам бланки заявлений. На вопрос: «Зачем?!» - виновато улыбаясь, отвечали: «По привычке...». Когда утром, на разрядке, начальник участка говорит рабочим: «Сегодня надо будет подписать заявления, что вы являетесь членами профсоюза...»; когда в течение дня подходит к рабочему мастер и так убедительно «просит»: «Распишись вот здесь

в том, чтобы с тебя по-прежнему удерживали членские взносы...», - отказаться нет никакой возможности...

Апрель 2002 г.

Иван Зеленый

Благотворительность за чужой счет

Оригинальный способ поддержки "отечественной духовности" изобрели городские власти Одессы. В начале ноября всем работникам коммунального предприятия "Горзелентрест" объявили распоряжение дирекции: в связи с завершением восстановления Спасо-Преображенского собора (разрушенного в 30-е годы) всем рабочим сдать на восстановление собора по 70 гривен, уборщикам - по 50, начальникам участков - по 150 гривен. Причем сдать наличными и в кратчайший срок.

Одесским предпринимателям давно уже известно, что заслужить благосклонность городских властей и избежать многих неприятных проверок можно, сдав в числе прочего определенную сумму денег в фонд восстановления собора, действующий под патронатом лично городского головы Руслана Боделана. За такое рвение одесский мэр еще в конце 90-х годов получил от патриарха московского Алексия Второго орден Святого Владимира. Теперь эта добровольно-принудительная благотворительность коснулась и рабочих.

Нам неизвестно, является ли этот сбор с рабочих изобретением самого Р. Боделана, бывшего до 1991 г. первым секретарем Одесского обкома КПСС (то есть главным атеистом области), или это инициатива директора "Зелентреста" господина В. М. Погуляя, дабы выслужиться перед городской головой. Если учесть, что средняя зарплата рабочих "Зелентреста" за этот год за вычетом налогов составляет 300-350 гривен в месяц, а официальный прожиточный минимум в Одесской области, утвержденный в начале года сессией облсовета, составляет 379 гривен (около 60 евро) на человека, то станет очевидно, что строить собор городские власти собрались не на чем ином, как на костях рабочих.

Пока рабочие нескольких участков категорически отказались вносить требуемые взносы, тем более, что предоставить письменное распоряжение об этом администрация отказывается. Как будут развиваться дела далее, не известно, но одного городская власть уже добилась: если ранее большинство рабочих считало себя православными, то теперь с удовольствием ругает заживевших попов и объявляет себя атеистами.

Доброчинність за чужий рахунок.

Оригінальний спосіб підтримки "вітчизняної духовності" винайшла міська влада Одеси. На початку листопада всім працівникам комунального підприємства "Міськзелентрест" оголосили розпорядження дирекції: у зв'язку із завершенням відбудови Спасо-Преображенського собору (зруйнованого у 30-ті роки) всім робітникам "Зелентресту" треба здати на відновлення собору по 70 гривень, прибиральникам - по 50, начальникам дільниць - по 150 гривень. Причому здати готівкою і в найкоротший термін.

Одеським підприємцям давно відомо, що заслужити прихильність міської влади й уникнути багатьох неприємних перевірок можна серед іншого, здавши певну суму грошей у фонд відновлення собору, що діє під патронатом особисто міського голови Руслана Боделана. За таку запопадливість одеський мер наприкінці 90-х навіть отримав від патріарха московського Алексія Другого орден святого Володимира. Тепер ця добровільно-примусова доброчинність поширилась і на робітників.

Нам невідомо, чи був цей збір з робітників винаходом самого пана Р. Боделана (до 1991 р. першого секретаря Одеського обкому КПРС, тобто головного атеїста області), чи це власна ініціатива директора "Зелентресту" пана В. М. Погуляя, аби вислужитися перед мером. Проте, якщо врахувати, що середня заробітна платня робітників "Зелентресту" за цей рік після сплати податків становить 300-350 гривень на місяць, а офіційний прожитковий мінімум затверджено сесією облради на початку року у 379 гривень (близько 60 євро), то стає очевидним, що будувати собор міська влада зібралася ні на чому іншому, як на кістках робітників.

Поки що робітники декількох дільниць категорично відмовилися сплачувати ці внески, тим більше, що надати письмове підтвердження цього розпорядження адміністрація відмовилася. Нам невідомо, як будуть розвиватися справи надалі, але одного міська влада вже досягла: якщо раніше більшість робітників вважали себе православними, то тепер із задоволенням сварять зажирілих попів та оголошують себе атеїстами.

Группа пролетарских революционеров-коллективистов

Выборы: чего не делать

После более чем годичного перерыва возобновилось издание газеты Интернационального коммунистического союза (ИКС) «Мировая революция». В вышедшем в октябре 2003 г. ее седьмом номере опубликована статья «Выборы: что делать?». Поскольку ИКС, при всех его недостатках и ошибках, все же является одной из лучших марксистских групп СНГовии, и поскольку содержащиеся в данной статье ошибки не являются исключительным достоянием ИКС, но в большей или меньшей степени разделяются очень

многими левыми активистами, критика этих ошибок будет небесполезной, тем более, что статья «Выборы: что делать?» представляет собой причудливое соединение верных идей и наблюдений с неправильными предложениями и выводами.

К несомненным плюсам статьи нужно отнести критику иллюзий о возможности изменения общественного строя парламентским путем, разоблачение буржуазной природы КПРФ, критику Шеина и его РПТ. Правильно ИКС понимает и тот факт, что нелепо было бы увязывать всю деятельность немногочисленных революционеров России с выборами:

«Марксисты, которые остались в результате десятилетий правления сталинизма в виде немногочисленных групп, рассеянных по всему земному шару, не могут позволить себе роскошь тратить свои силы в активной избирательной кампании...

Ни широкую избирательную кампанию, ни действенный бойкот мы организовать не можем. Единственное, что возможно, - это использование некоторого повышенного интереса к политике для пропаганды своих идей. Т.е. речь идет только о некотором смещении в текущей агитации и пропаганде в сторону освещения таких вопросов, как парламентаризм, реальная природа псевдокоммунистических партий и т. д. При этом остаются те же методы воздействия: печать, Интернет, участие в массовых мероприятиях, чаще всего, организуемых не нами...».

Такое почти игнорирование выборов, хотя и является, на наш взгляд, не лучшим вариантом, сравнительно с пропагандой неучастия в выборах или голосования против всех, все же куда лучше, чем приступ лихорадочного предвыборного активизма.

Однако, к сожалению, товарищи из ИКС не удержались на позиции почти игнорирования выборов, и не избежали искушения выдвинуть «позитивную» программу. Эта предлагаемая ими программа состоит в том, «чтобы на вопрос, как голосовать, ответить: **голосуйте за контру КПРФ и за контру Зюганова [! ! !]**. Прямо и честно объясняя, с какой единственной (!) целью мы это делаем».

С какой же целью товарищи из ИКС *«прямо и честно»* предлагают **голосовать за контру?**

«...пусть КПРФ, оказавшись у власти, покажет себя такой, какой она есть...

Имеется в наличии именуемая себя коммунистической партией, которая «боится своей победы» и предпочитающая быть при власти... И нам было бы выгодно «заставить» ее взять власть целиком («побить» партию власти). Сил для этого, правда нет, но если наш скромный совет бросить бюллетень за КПРФ поможет этому осуществиться, почему бы нет?... без личного опыта трудящиеся России, в своей значительной массе, так и будут таить надежду на приход к власти и благодеяния КПРФ. Несмотря на опыт других стран. И это разочарование толкнет, по крайней мере, часть трудящихся, на поиск другой альтернативы слева... как разочарование в оппортунистах толкало раньше массы в сторону революции, так и разочарование в КПРФ толкает рядовых партийцев или ее сторонников в наши ряды. Ряды тех, кто медленно и мучительно, но создает основы будущей революционной партии...

...в глазах трудящихся она [КПРФ] продолжает существовать, не без помощи капитала, в качестве коммунистической, пусть с недостатками, партии. И без преодоления этого мифа действительно марксистской партии весьма затруднительно вести пропаганду: ее порой обвиняют в антикоммунизме сами трудящиеся. Поэтому и важен практический опыт пребывания у власти такой

“коммунистической” партии. Никто не собирается за это бороться, бросая сюда все силы. Но и препятствовать этому – просто глупо”.

То, что товарищи из ИКС поняли, что приход к власти КПРФ приведет к дискредитации ее в глазах трудящихся масс, свидетельствует о их, ИКСовцах, проницательности. Только зря они вообразили, что буржуазия глупее их и не понимает эту истину. Если приход к власти КПРФ приведет к разочарованию в ней трудящихся и к их радикализации, и если это поняли марксисты из ИКС, то тем более понимает это буржуазия, т. е. класс, которому верой и правдой служит зюгановская партия. Именно поэтому КПРФ не взяла власть на президентских выборах в 1996 г., отказалась тогда бороться и победить, сдала выборы Ельцину, именно поэтому КПРФ спасла в 1998 г. зашатавшийся ельцинский режим, соучаствуя в правительстве Примакова – Маслюкова.

То, что КПРФ необходима буржуазии в качестве средства удержания под контролем народного недовольства, показывает и приведенная в “Мировой революции” превосходная цитата из буржуазного политолога В. Никонова:

“Лучшую оппозицию, учитывая современные российские условия, трудно себе представить...”

...на месте власть имущих я бы выдал КПРФ охранную грамоту и сдувал бы с нее пылинки. Кроме шуток, она играет очень полезную роль. Если бы не было приличной компартии, мы бы уже нахлебались с экстремистами, радикалами, баркашовыми и анпиловыми в парламенте. Сама компартия – сила системная, конституционные правила игры признает, договориться с ней можно. Пользуясь политологическим жаргоном, КПРФ вводит разрушительный потенциал протестного электората в рамки легитимного политического процесса. В переводе на русский: если бы у недовольного народа не было возможности “оттянуться”, голосуя за коммунистов, он бы уже громил все подряд. Компартия Российской Федерации полезна для страны и безопасна для власти”.

Если КПРФ из оппозиции станет властью и “недовольный народ” в ней разочаруется, исчезнет ее польза для буржуазии в качестве переключателя “разрушительного потенциала протестного электората в рамки легитимного политического процесса”, т. е. народной ненависти и гнева в скованное дамбами буржуазных парламентаризма и законности русло, где эти ненависть и гнев станут безопасны для буржуазии. Поэтому для буржуазии КПРФ нужна в роли не власти, а вечной оппозиции, такой идеальной оппозиции, которая невредна, потому что ничем не вредит.

Иллюзии о возможности прихода КПРФ к власти можно было иметь в 1996 г. Но и тогда победа КПРФ на выборах оказалась ненужной ни буржуазии, ни самой КПРФ. Поэтому КПРФ фактически отказалась тогда от реальной борьбы за власть, сдала президентские выборы Ельцину. После этого надежды на то, что общественные изменения станут результатом победы КПРФ на выборах, быстро пошли на убыль у сколько-нибудь активной и мыслящей части трудящихся. Говорить о том, что это активная и мыслящая часть трудящихся меньше по численности, чем КПРФовский “электорат” и что мы должны ориентироваться на последний, было бы проявлением худшего демократизма. Во-первых, если мы не можем из-за нашей слабости достичь своей пропагандой даже более боевое и мыслящее меньшинство пролетариев, то до массы голосующих за КПРФ и подавно не дотянемся. Во-вторых, что мы можем и поэтому должны делать сейчас, - так это убеждать хотя бы передовое меньшинство пролетариата, самых активных, боевых и думающих пролетариев. Нехватку количества нужно

возмещать качеством, для дела освобождения пролетариата нужны бунтари, а не обыватели.

Отказ КПРФ по-настоящему бороться за власть в 1996 г. привел к тому, что когда буржуазии в 1999 г. потребовалось изменение политического курса, окончательный переход от беспорядочного грабежа к грабительскому порядку, что и составляло содержание программы буржуазно-патриотических партий, самой сильной из которых была КПРФ, для осуществления этого перехода буржуазия выбрала не КПРФ, а собачаковского выкормыша, который и стал реализовывать программу национал-патриотической оппозиции. Это означало, что КПРФ как реальный претендент на власть списана со счетов, и лимит на возможность ее победы исчерпан. В настоящее время КПРФ паразитирует на пассивности и подавленности трудящихся масс, в случае подъема классовой борьбы она, скорее всего, окажется непригодной даже в роли приводного ремня буржуазии для контроля над пролетариатом, и буржуазия будет использовать в этой функции какую-нибудь новую РПТ.

500 лет назад Мартин Лютер сказал: “Есть наивные люди, вступающие в сделку с дьяволом, надеясь перехитрить его. Они забывают, однако, что человек живет лишь 70 лет, а дьявол живет уже 6 тысяч лет, и за это время *сильно понаторел в своем искусстве*”. Буржуазия за столетия своего господства тоже *сильно понаторела в своем искусстве*, поэтому все надежды победить ее с помощью хитроумных тактических приемов, призванных подменить революционную силу пролетариата, обречены на неудачу.

...Для разоблачения подлинного - буржуазного - характера КПРФ сама она дает в изобилии материал, и не будучи у власти. Это и включение в избирательный список КПРФ множества буржуев (крупные деятели “Юкоса” Муравленко и Кандауров, владелец сети предприятий “Вестфалика” Титов в Новосибирске, Батгигов из потанинского “Интерроса”, Золотилин из фирмы “XXI век” и т. д.). Это и откровенная буржуазность КПРФовской программы и политики (Зюганов, Чикин и Проханов в “Советской России” за 26 августа с. г.: **“В кратчайшие сроки должен быть создан русский капитал средний и малый. [Как будто он уже давно не “создан”?!] Русский предприниматель должен иметь возможность создавать свои малые предприятия, свои торговые места, участвовать в банковской деятельности, в эксплуатации природных недр [Как будто русский буржуй давно уже не имеет все эти вожаделенные для него возможности, а прежде всего – возможность эксплуатации пролетариата!]”**. Это и деятельность КПРФовских губернаторов, ничем не отличающихся от прочих губернаторов. Это, наконец, и фактический отказ КПРФ бороться за власть.

Все это и должны мы подчеркивать в нашей пропаганде. Имеющий глаза – увидит, имеющий уши – услышит, а политически слепоглухонемых не переагитируешь, сколько ни старайся.

Товарищи из ИКС пишут:

“Действительно, бывает очень трудно заставить себя слушать особо ретивых сторонников КПРФ, но они часто начинают делать это, когда говоришь им: “да проголосую я за вашего Зюганова”. И тогда можно сказать о “дяде Зю” все, что о нем думаешь. Так же, как Ленин советовал делать по отношению к английским лейбористам начала XX века. И практика правления последних давно развеяла всякие мифы о рабочем характере этой партии. Практика власти КПРФ также будет не напрасной».

Для разбора содержащихся в данном утверждении идей начнем с конца.

Как мы уже видели выше, «практики власти» КПРФ скорее всего не будет. Но если в результате какого-то стечения обстоятельств КПРФ и окажется у власти, то приведут ее туда не пролетарии и не Интернациональный Коммунистический Союз, а класс буржуазии – тогда и так, как сочтет нужным в силу своих интересов. А пока что и буржуазии, и вождям КПРФ эта партия нужна не у власти, а в роли бессильной оппозиции.

Далее. После того, как практика власти Лейбористской партии развеяла мифы о рабочем характере этой партии, английские пролетарии в большинстве своем разочаровались не в реформизме, а в социализме, и продолжали, несмотря на все разочарование в лейбористах, голосовать за них как за «меньшее зло». А такому разочарованию английских пролетариев в социализме содействовали, в меру своих сил и способностей, сперва ранняя английская Компартия, а затем троцкисты, из хитроумных тактических соображений призывавшие английских пролетариев голосовать за лейбористов, которых сами английские коммунисты и троцкисты клеймили как предателей. Пролетарии не понимали утонченного тактицизма и, разуверясь в предателях, не очаровывались и теми умными головами, кто, зная о предателях, что они предатели, советовал тем не менее этих предателей поддерживать.

Вообще, любимая выучившимися у Ленина не лучшему, а худшему троцкистами тактика, согласно которой массы слишком глупы, чтобы понять сразу всю правду, и им нужно говорить сперва четверть правды и половину правды, - такая тактика, казалось бы, желающая считаться с массами, на самом деле проникнута высокомерным презрением к ним. Есть умные «мы», знающие всю правду, и глупые «они», пролетарии, кто всю правду все равно не переварит, и должен пока что довольствоваться ее кусочками. Совсем как в анекдоте, где учитель спросонья сказал ученикам, что дважды два – девяносто восемь, а чтобы затем не ошарашивать их сразу правдивым ответом, на каждом следующем уроке приближался к нему на единичку, тогда как те ученики, у кого голова не пошла совсем кругом от подобного *диалектического приближения к истине*, и сами подсчитали на пальцах, что дважды два – четыре.

Мы далеки от того, чтобы идеализировать массы и верить в вековую сермяжную правду. В сознании угнетенных масс обыкновенно в разных пропорциях перемешаны их собственная правда угнетенных и навязанная ложь угнетателей, причем в обыденные эпохи значительно преобладает последняя. Оттесняется, выдавливается и исчезает (увы, до сих пор ненадолго!) ложь угнетателей лишь в великие революционные эпохи. Но наша задача, задача революционеров, не подлаживаться ко лжи угнетателей, а не бояться плыть против течения, непоколебимо отстаивать правду угнетенных даже в самые глухие реакционные эпохи, независимо от того, посчастливится ли нам дожить до революции и повести восставших пролетариев на слом старого мира, как посчастливилось Марату и Ленину, или же суждено остаться лишь далекими предтечами этой революции, как выпало на долю Чернышевскому и Бордиге.

...Одним из величайших революционеров в мировой истории был Жан-Поль Марат. С самого начала Великой Французской революции он неустанно разоблачал предательство божков и кумиров буржуазии, тогдашних зюгановых и тюлькиных, - всех этих неккеров, лафайетов и мирабо. При этом Марат не выдумывал чудодейственных тактических рецептов вроде «голосуйте за контру Неккера и за контру Мирабо!». Напротив. С фанатичной настойчивостью он не уставал повторять: Неккер, Мирабо, Лафайет, Байи, Бриссо – предатели. Они

предают и будут предавать. На виселицу Неккера, выпустить кишки Лафайету, отрубить голову Мирабо!

Ясное дело, что народ, очарованный красноречивыми буржуазными оппозиционерами, смотрел поначалу на Марата как на сумасшедшего маньяка. Однако время шло. Предал Неккер, предал Мирабо, предал и Лафайет. И тогда народ начал понимать, что угрюмый фанатик Марат, не боящийся плыть против течения, говорить народу горькую правду, исходящий в своих действиях из *интересов*, а не *мнений* народа и беспощадно критикующий народ за его добродушие, доверчивость и беспечность, - этот порвавший с обеспеченной жизнью искусного врача и скитающийся по подвалам фанатик Марат является подлинным другом народа, тогда как сладкогласные разряженные буржуа, - его, народа, врагами. И бедняки, санкюлоты, пошли за Маратом, который никогда не говорил им полправды, но всю правду, и не боялся один плыть против течения...

Наконец, что даст в тактических целях призыв «голосовать за контру КПРФ и за контру Зюганова»? Разве что можно будет сказать сторонникам КПРФ все, что о КПРФ и ее сторонниках думаешь. А какая, собственно, от этого может быть польза?

На самом деле, призыв «голосовать за контру КПРФ и за контру Зюганова» («голосуйте за Миттерана без иллюзий!» - говорили в 1981 г. французские троцкисты) не улучшит личные отношения с рядовыми КПРФниками. Их любви таким путем мы все равно не получим, а уважение, которое испытывают к принципиальным и непримиримым врагам, потеряем. Поведение сторонников КПРФ обуславливается общими социальными причинами, а не хитроумной тактикой мелких марксистских групп.

Вообще говоря, мелкая левая группа может иметь перспективу лишь в том случае, если отличается от большой оппортунистической партии не на 1% и не на 10%, а на все 100%. Если различия мелкой группы от большой и, по-видимому, сильной партии социал-предателей незначительны, и, если критикуя социал-предателей в теории, претендующая на революционность мелкая группа обслуживает их на практике (ведет за них предвыборную агитацию, например), то в глазах масс эта мелкая группа будет выглядеть обыкновенным охвостом большой оппортунистической партии, а ее отличия от последней будут объясняться всего лишь непонятным претенциозным выпендрежем. Любимый вопрос читателей прессы послеКПССовских партий: «Почему все коммунисты не объединяются? Цели – то у всех общие».

Вожди мелких краснознаменных партий, т. е. более мелких, чем КПРФ, в ответ обыкновенно начинают оправдываться: мы, мол, не против объединения с Зюгановым, да он сам не хочет, а сверх того и отдельные ошибки у него есть. Нам, пролетарским революционерам, оправдываться незачем. Цели у нас с Зюгановым противоположные: у него – сохранение и укрепление буржуазного строя и буржуазного государства, у нас – их разрушение.

Подмена принципиальной классовой политики мелкотравчатым тактицизмом на самом деле не только не ведет к росту силы мелкой революционной группы, но – нередко – способствует развалу этой группы. Прекрасно известный товарищам из ИКС пример – история троцкистской организации Комитет за рабочую демократию и международный социализм, переименованной затем в Революционную рабочую партию. После того, как в начале 1999 г. прежняя позиция КРДМС, согласно которой послеКПССовские партии являются правыми буржуазными партиями, агентами русской империалистической буржуазии и врагами пролетариата, была отброшена ради

надежды, что хитрой тактикой можно будет перетянуть из этих партий в РРП левонастроенных активистов, после такого поворота в стратегии и тактике РРП вошла в период почти непрерывного кризиса, который закончился распадом ее в конце 2002 г. по меньшей мере на 4 «революционных рабочих партии», - это не считая товарищей, которые либо пошли другим, не троцкистским, путем, либо, разочарованные политиканской возней, вообще ушли из революционной политики. Всем желающим следовать путем политиканского тактицизма, история РРП, равно как и история Шеина, должна служить уроком и предостережением...

Наконец, необходимо взглянуть на вопрос: что представляют собой КПРФовские кадры и могут ли революционеры иметь на них какие-то надежды.

Люди, в т. ч. пролетарии, - разные. Есть бунтари, и есть обыватели. *В КПРФ идут обыватели. Нам нужны бунтари.*

Членская и избирательная база КПРФ – это смиренные обыватели, надеющиеся опусканием бюллетеня в избирательную урну вернуться в брежневский рай. Активист КПРФ – это либо тот же обыватель, не только сам опускающий бюллетень в урну, но и убеждающий сделать это соседа, либо обыкновенный буржуазный карьерист. Ни обыватель, ни карьерист в мелкую революционную группу сейчас не пойдет и – более того – с сочувствием слушать ее пропаганду не станет, как бы она ни изощрялась и на какие уступки ему бы ни шла. Он не слушает даже пропаганду РКРП – РПК, которая не в пример ближе КПРФ, чем Интернациональный коммунистический союз. Зачем обывателю и карьеристу четверть-зюгановы, когда живет и здравствует Зюганов собственной персоной? Поэтому агитировать обывателя или карьериста можно с тем же успехом, с каким втолковывать азбуку коммунизма двугорбому верблюду. Кому делать нечего, пусть пробует.

Наши потенциальные кадры, бунтари и мятежники, идут пока что либо в бандиты, либо – если являются сколько-нибудь политизированными – в радикально–сталинистские ("социал-фашистские") и в "классические" фашистские организации, в первую очередь в НБП. Они не идут в КПРФ (можно при желании выискивать единичные исключения, но на исключениях не строится тактика). Если даже НБП развернула борьбу против КПРФовского приспособленчества и холуйства перед властью («КПРФ – это даже не клапан, а дырка в котле, через которую уходит в никуда пар народного возмущения»), - превосходно определена сущность КПРФ в №230 «Лимонки»), неужели пролетарские революционеры должны иметь больше иллюзий в КПРФовских кадрах, чем имеют такие иллюзии НБПшники?

Разумеется, неправильно было бы ставить навсегда крест на тех, кто сейчас голосует за КПРФ. Великие общественные потрясения и катастрофы, войны и пожары выжгут обывательщину и переплавят обывателей в борцов. Но наступление этих великих потрясений и катастроф зависит не от нашей воли. А пока что мы должны искать дорогу к наиболее смелым, боевым и активным пролетариям, заботиться не о количестве, а о качестве. 10 стачечников для нас важнее, чем 100 штрейкбрехеров.

Как знают товарищи из ИКС, различные западные троцкисты, желая быть «ближе к массам», «не изолироваться от масс, а действовать среди них», чтобы «совершить революцию», изобретали всевозможные хитроумные тактические средства, не последнее место среди которых принадлежало голосованию за социал-демократические и коммунистические партии: «голосуйте за Миттерана без иллюзий!» - ничуть не хуже, чем «голосуйте за контру КПРФ и за контру

Зюганова!». К чему привела такая тактика западных троцкистов, известно. *Они кое-где «приблизились к массам», но ни на шаг не приблизились к революции и, более того, сами перестали быть революционерами*, став более или менее радикальными реформистами капиталистической системы, аналогом наших РКРП – РПК (*праворадикальной реформистской, то есть фашистской, партией*) или РПТ...

Как и любые сторонники «революционного использования парламентаризма», товарищи из ИКС не обошлись в своей статье без цитат из ленинской «Детской болезни левизны в коммунизме», тех цитат, где Ленин предлагает английским коммунистам содействовать приходу к власти лейбористской партии, надеясь, что, разочаровавшись в ней в результате ее пребывания у власти, рабочие повернут к революционному коммунизму.

В 1920 г., когда Ленин писал «Детскую болезнь...», случаи пребывания реформистов у власти можно было пересчитать по пальцам, и все они вызывались исключительными условиями, прежде всего – условиями революционной ситуации, при которой оппортунистические партии становились последним прибежищем буржуазии. Ленин, когда предлагал в 1920 г. английским коммунистам толкать к власти лейбористскую партию, исходил из опыта русской революции 1917 г., в которой рабочие быстро разочаровались в оказавшихся фактически у власти меньшевиках и правых эсерах и повернули к революционному социализму.

Но за последующие долгие десятилетия пребывание реформистов у власти стало обыденным явлением в капиталистическом мире. От практики правительственного реформизма пролетарии, как было уже сказано, разочаровались не столько в реформизме, сколько в социализме. Надежды с помощью тактических вывертов перехитрить реальное соотношение классовых сил оказались тщетны.

Расчеты Ленина, что революционеры смогут заставить лейбористских лидеров Гендерсона и Сноудена побить Черчилля и Ллойд–Джорджа (как будто первые не являются такими же буржуазными политиками, как и вторые, и как будто можно принимать всерьез их показушную, для обмана публики, драку!), – эти расчеты могли иметь под собой хоть какие-то основания в революционный период, когда массы властно вторгались в политическую жизнь и давили на буржуазных деятелей («*Бери власть, сукин сын, пока даем!*», – во время демонстрации 3 июля 1917 г. говорили революционные рабочие лидеру правых эсеров Чернову. Но власть он все равно не взял). В условиях буржуазной стабильности, когда до самостоятельного вмешательства масс в политику неизмеримо далеко, подобные наивные надежды играть буржуазными политиками как марионетками являются чистойшей иллюзией.

Разочарование в КПРФ, в ее холуйстве и пресмыкательстве перед властью давно уже существует у наиболее активных и политически мыслящих пролетариев и полупролетариев. А мы должны обращаться именно к наиболее активным, боевым и мыслящим, готовым к борьбе пролетариям, а не к КПРФовскому «электорату».

ИКС считает, что будущая революционная партия должна будет самостоятельно участвовать в выборах: «зачем, если представится возможность, лишать себя такого эффективного орудия не только для воздействия на массы, но и для того, чтобы ставить палки в колеса правящему режиму?»

На самом деле, в современных условиях работа в парламенте не является больше эффективным средством ни для воздействия на массы, ни для вставления

палок в колеса правящему режиму. Интерес общественных низов к тому, что творится в парламентах, был необычайно высок в эпоху буржуазных революций, когда закончилось господствовавшее при абсолютизме принудительное молчание, и различные социальные силы обрели в парламенте трибуну, с которой могли высказывать свои интересы и цели. Французское простонародье в эпоху Великой революции 1789–1794 гг. с напряжением прислушивалось к тому, что говорилось в Учредительном, в Законодательном Собраниях и в Конвенте; русские рабочие и - того больше - крестьяне в революцию 1905 г. жадно слушали дебаты в I и II Думах. Последний раз такой активный интерес к имеющему прелесть новизны парламентаризму можно было видеть в 1989 г. во время съезда народных депутатов СССР.

Сегодня эпоха буржуазных революций, великих и малых, закончилась, - бесповоротно и навсегда. Проявлением этого является в т.ч. и изменившееся отношение народа к парламентаризму. В нем, руководствуясь плебейским здравым смыслом, видят не трибуну общественной борьбы, но место, где хозяева жизни обделяют свои делишки, а интерес к тому, что происходит в парламенте, является интересом того же рода, что и интерес к мыльным операм и ток-шоу "Окна".

"Парламентарный строй стал притчею во языцех; уважение любого обывателя к нему подорвано бесчисленными скандальными разоблачениями. Где то время, когда В. Гюго пел вдохновенный гимн парламентской трибуне? Кто теперь верит, что всеобщая подача голосов выявляет волю народа? Преследуемые за спекуляцию мелкие козлы отпущения иронически советуют искать настоящих виновников народного горя среди спекулирующих на миллиарды политических вождей, министров, генералов, главарей банков и промышленности, которых никто не решится тронуть. Все это происходит под знаменем демократии - народоправства...

Изобретается масса средств, как избирателям держать на ниточке своего избранника, но ни одно из них не достигает цели: депутат, получив это звание, отрывается от избирателей, погружается с головой в совершенно чуждые им интересы, в жизнь столицы, в политическую кухню - интриги, честолюбие, корысть захватывают его. Он становится богат, становится министром; но депутат, сохранивший гражданские добродетели, ныне является воистине белым вороном. Однако если бы дело было в несостоятельности людей, то могла бы быть розовая надежда на их исправление. Дело в несостоятельности самого принципа. Народные массы являются игрушкой в руках ловких политиков, достигающих всеобщим голосованием совершенно неожиданных для народа результатов... как он [народ] делается орудием политиков, показывает гениальная шекспировская сцена над трупом Юлия Цезаря. Чего стоит всеобщее голосование, показывают картины выборов, со своими неприглядными, часто комическими, бытовыми подробностями в любом литературном произведении...". Так описывал 82 года назад вырождение парламентаризма *сменовеховец* А. В. Бобрищев-Пушкин (см. В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 298–299).

Разумеется, не дело революционеров воссоздавать у трудящихся иллюзии в парламентаризме. Напротив. Стихийное и инстинктивное отвержение парламентаризма и презрение к депутатам мы должны превращать в сознательное, продуманное, доведенное до конца. *Хороший революционный*

депутат, если таковой каким-то чудом появится, будет только вреден, так как его деятельность приведет лишь к возрождению и укреплению в массах парламентских иллюзий. И большое революционно–пролетарское спасибо Шеину, что, сразу перекинувшись на сторону буржуазии, он в меру своих способностей поспособствовал разоблачению парламентских иллюзий.

Другим аргументом ИКСовцев в пользу участия революционной партии в выборах является получаемая таким образом возможность “вставлять палки в колеса правящему режиму”. Речь идет здесь об идее использования парламентаризма для борьбы с парламентаризмом, о проникновении в парламент с целью разрушения его изнутри путем внутрипарламентского саботажа. Именно за такое использование парламентаризма стояли в 1920 г. Ленин, Бухарин и другие большевистские вожди Коммунистического Интернационала.

Единственным случаем, когда такой парламентский саботаж систематически применялся сколь-нибудь продолжительное время, была деятельность ирландских националистов в английском парламенте в 1870 - начале 1880-х годов. Но она оказалась возможна исключительно потому, что в то время в Англии внутрипарламентские распорядки сохранялись в нетронутом виде с 18 века, когда парламент был клубом джентльменов, не нуждающихся в строгой регламентации своих отношений. Время и тематика выступления были неограниченны, власть председателя минимальна, благодаря чему проникший в джентльменский клуб антиджентльменский вражеский отряд – ирландские национал-революционеры могли, в частности, надолго затягивать принятие бюджета, один за другим (сменяя друг друга, когда у оратора язык переставал ворочаться) зачитывая... Библию, пьесы Шекспира или учебник физики – по вкусу.

Но лишь только такой срыв нормальной работы британской государственной машины стал серьезным неудобством для английской буржуазии, как был произведен переворот во внутрипарламентских отношениях, установлен строгий регламент, и “вставление палок в колеса правящему режиму” сделалось невозможным. Точно так же оно невозможно в современной России, в парламенте которой депутат может получить слово, лишь если входит в депутатскую группу с количеством не менее 15 человек. И если можно вообразить, что в силу какого-то случайного стечения обстоятельств в парламент попадет 1 революционно настроенный активист (что с ним будет потом – показывает пример Шеина), то попадание в парламент 15 и больше революционеров принадлежит к запредельной фантазии.

Но, - могут возразить товарищи из ИКС, - все это относится к текущей ситуации, когда российский пролетариат раздавлен, а революционеры бессильны. Когда ситуация изменится, начнется революционный подъем и возникнет сильная революционная партия, к чему заранее исключать, что она сможет использовать в своих целях буржуазные представительские учреждения?

...Позиция принципиального неучастия в выборах, отстаиваемая итальянскими левыми коммунистами, возникла при следующих обстоятельствах.

В 1919 г., после окончания Первой империалистической войны, Италия переживала грандиозный революционный подъем. Батраки захватывали землю, промышленные рабочие занимали заводы. Существовала сильная и радикальная Итальянская Социалистическая Партия, выступавшая против империалистической войны и вошедшая в Коммунистический Интернационал. В

таких условиях правительство назначило всеобщие выборы. Центристское руководство ИСП принялось активно готовиться к ним.

Против ориентации на выборы выступили “коммунисты–бойкотисты”, возглавляемые Амадео Бордигой. Они сказали: невозможно одновременно готовиться к выборам и готовить революцию, - как невозможно одновременно ехать в две противоположные стороны. Нельзя быть одновременно и партией парламентской оппозиции, и партией революции. Нельзя участвовать в выборах, не создавая и не укрепляя в массах иллюзию, что винтовку может заменить избирательный бюллетень, что вместо баррикад достаточно прийти на избирательные участки, что чудовищно тяжелый и мучительный, требующий огромных страданий и жертв путь революции якобы можно заменить гладким и безболезненным парламентским путем.

Бордига и его товарищи оказались правы. ИСП с успехом выступила на выборах, провела больше всех депутатов, но проиграла революцию, оказалась неспособной повести пролетариат на борьбу за власть, и через несколько лет была разгромлена фашистами.

Революционное использование парламентаризма, о котором мечтали большевистские лидеры Коминтерна в 1919–1920 гг., с тех пор не осуществилось нигде и никогда. Но принятая Коминтерном тактика использования парламентаризма привела к тому, что зарубежные “коммунистические” партии так и не порвали в своей реальной практике с оппортунизмом и реформизмом, так и не стали подлинно революционными пролетарскими партиями, легко поддались давлению сталинизма и через 15 лет стали злейшими предателями и врагами пролетариата...

ИКС считает бесплодной и бесполезной тактику бойкота выборов или голосования против всех, т. к. сорвать выборы при нынешнем соотношении сил все равно не удастся.

“Ваше голосование “против всех” не влияет ни на что. В лучшем случае - приведет к повторным выборам. И что? Власть признает свою нелегитимность, уйдет или хотя бы зашатается? Ни в малейшей степени. Все это – другой вариант парламентских иллюзий. Власти плевать на это”.

На самом деле, *как невозможно сменить общественный строй голосованием на выборах, точно так же невозможно сменить его бойкотированием выборов.* “**Только винтовка рождает власть**”, - сказал великий буржуазный революционер Мао Цзедун, и в этих словах заключается вся мудрость политической науки. Цель нашего призыва к отказу от участия в **избирательном лохотроне** (будь этот отказ выражен путем бойкота и игнорирования выборов, или путем голосования “против всех”) состоит в том, чтобы стихийное отвержение игры по буржуазным правилам у тех немногочисленных пролетариев, до кого дойдет сейчас наша пропаганда, становилось сознательным и последовательным, и чтобы те еще более немногочисленные пролетарии, кто уже сейчас готов на борьбу и протест, от первого этапа пролетарской политической науки, от отказа поддаваться на обман буржуазии, переходили ко следующему этапу и включались в борьбу за уничтожение власти буржуазии.

Товарищи из ИКС пишут:

“Вопрос использования парламентаризма – это один из многих вопросов использования действий, которые находятся в рамках жизни буржуазного общества, для перехода к действиям революционным. Митинги и демонстрации, профсоюзная деятельность и забастовки, использование парламента,

референдумов и т. д., безусловно, являются вполне совместимыми с буржуазным обществом. И от многого из этого многие “крутые” революционеры готовы отказаться именно в силу этой совместимости. Не может, мол, пролетариат использовать буржуазные методы и орудия: партии, парламент, профсоюзы и т. д. Вся закавыка, однако, в том, что в обществе господствует идеология того класса, который господствует экономически. Сейчас – буржуазная идеология. **Поэтому любые более или менее массовые организации подчиняются этой идеологии.** И только периоды революционных подъемов позволяют временно вырывать их из-под этого влияния. Если есть, конечно, кому. А это значит, что **сколько ни придумывай истинно рабочих организаций, они очень скоро утратят этот характер. Кроме относительно небольших, которые в силу своего высокого теоретического уровня и относительной замкнутости могут выдерживать давление буржуазной идеологии.**

Поэтому все разговоры о проведении политики чисто пролетарскими методами являются чистой фикцией. Погруженный в буржуазное общество рабочий класс не может выйти за пределы буржуазной политики иначе, как используя эту политику до тех пределов, пока ему, *в силу своего собственного опыта*, становится очевидной ее ограниченность, как и ограниченность всех сил, стоящих на страже ее, включая оппортунистов и прочих “радетелей за дело трудящихся”.

ИКС тем самым признает давно уже отмеченный нами факт, что в современных условиях все сколько-нибудь массовые организации пролетариата неизбежно подчиняются буржуазии и становятся ее приводными ремнями по контролю над пролетариатом. Но означает ли этот факт, что буржуазный строй вечен, что он способен перенаправлять все направленные против него усилия так, чтобы они лишь содействовали его сохранению и усилению, что, как ни старайся бороться с капитализмом, все равно не сможешь прорваться за его пределы, и что поэтому революционеры обречены оставаться бессильными маленькими пропагандистскими группами вплоть до второго пришествия?

Такой пораженческий подход является, к счастью, ошибочным. Время от времени внутренние механизмы капитализма приводят к чудовищным потрясениям (мировым войнам, экономическим кризисам и т. п.). Эти потрясения расшатывают и ослабляют капиталистическое господство и толкают пролетариев на борьбу и протест. Если в такие моменты существует достаточно сильная и не успевшая переродиться революционная организация, способная организовать борьбу пролетариев и повести их на свержение буржуазного государства, это последнее можно разрушить. Если уровень производительных сил уже достаточен для того, чтобы преодолеть разделение труда на организаторский и исполнительский, свергнутое буржуазное государство не сменится новым эксплуататорским государством (как это произошло после Октябрьской революции, когда уровень производительных сил не был достаточен для перехода к бесклассовому обществу), и установившаяся в результате революции диктатура вооруженных пролетариев проложит путь коллективистскому, безгосударственному и бесклассовому, строю.

Не все формы и методы борьбы, используемые пролетарской организацией, влекут за собой ее буржуазное перерождение в одинаковой степени и с одинаковой скоростью. Если пролетарская организация решила участвовать в выборах в целях пропаганды неурезанных принципов коммунистической революции, это означает, что первый решительный шаг к ее перерождению сделан, но процесс перерождения далеко еще не завершен. Наоборот, если

некогда пролетарская организация участвует в выборах с намерением во что бы то ни стало провести своего кандидата и с этой целью пошла на сделку с какими-то буржуазными силами, это означает, что от ее пролетарского характера остались одни воспоминания. Если революционная организация возглавляет стачку, нарушающую буржуазную легальность и осуществляемую методами классовой войны (с помощью перекрытия дорог, увлечения на участие в стачке рабочих других предприятий и т. п.), смешным и вредным педантизмом было бы говорить, что если такая стачка происходит в буржуазном обществе, то и возглавляющая ее организация автоматически является буржуазной. По-другому обстоит дело со стачкой, руководимой реформистским профсоюзом и осуществляемой в пределах буржуазной легальности. А что касается стачки, проводимой против одной группы буржуазии в интересах другой группы буржуазии или в союзе с другой группой буржуазии, то буржуазный характер руководящей *такой* стачкой организации очевиден.

Разумеется, все грани гибки, и любая революционная организация при отсутствии революционной ситуации может стать сколь-нибудь сильной и массовой лишь ценой по крайней мере частичной утраты своей революционности, а став сильной и массовой, вскоре окончательно потеряет свою революционность (пример тому – те зарубежные троцкистские организации, которые сумели получить массовость ценой утраты революционности). Однако если революция произойдет в момент, когда перерождение революционной организации только еще начинается (как только начиналось оппортунистическое перерождение большевистской партии до революции 1917 г.), то эта организация сможет возглавить революцию. Для победы революции необходимо, чтобы имелась в наличии пролетарская организация (или организации), в очень большой степени сохранившая свою революционность, но в то же время являющаяся не пропагандистской группой из полдюжины человек, но энергичной и сплоченной революционной силой, умеющей использовать различные формы классовой борьбы.

Товарищи из ИКС продолжают:

“Итак, рабочий класс приходит к революционным идеям лишь после многолетнего опыта борьбы в буржуазных рамках. Его беззащитность перед хозяином приводит к необходимости организации. Его личный опыт показывает, что без силового давления на хозяина результата не получишь. Затем он убеждается, что для достижения этого результата забастовка должна быть не формальной, но наносить реальный вред хозяину предприятия, что она должна быть хорошо подготовлена. Затем – что недостаточно забастовки на одном предприятии, что она должна перейти, по крайней мере, к национальным масштабам, и, наконец, что борьба должна вообще перейти легальные рамки и поставить вопрос о власти революционного класса. Но для того, чтобы это осуществилось, на всех этапах борьбы вместе с рабочими и всеми наемными тружениками должны находиться представители революционной партии, которые всегда будут на шаг вперед, показывая недостаточность текущих мер и постоянно напоминая о том, что, в конечном итоге, без революции не обойтись”.

Заметим, что выше ИКСовцы утверждали неизбежность перерождения революционной организации в нереволуционной ситуации, кроме такой организации, которая останется небольшой и “относительно замкнутой” и в силу этих качеств никак не сможет быть “со *всеми* наемными тружениками” “на *всех* этапах борьбы”, оставаясь маленькой пропагандистской группой.

Чрезвычайно популярная в марксистских кругах мысль, заимствованная у блаженной памяти старых “экономистов” (были такие раскритикованные Лениным предтечи... Шеина и Ихлова), мысль, согласно которой рабочее движение начинается с борьбы за частичные экономические требования, из-за недостаточности последней переходит к борьбе за политические реформы, и уж затем, ввиду недостаточности реформ, к борьбе за революцию, эта привлекательная кажущимися простотой и логичностью схема имеет один, но решающий недостаток: она неверна.

Революционно–социалистическое сознание не является развитым, расширенным и дополненным тред-юнионистским сознанием, это два разных и противоположных типа сознания, хотя бы они и уживались тем или иным образом в голове одного и того же пролетария. Более того.

Исторически революционно–социалистическое сознание пролетариата предшествует тред-юнионистскому сознанию, а не вырастает из него. Английские пролетарии сперва крушили капиталистические фабрики, как луддиты, боролись за политический и социальный переворот, как чартисты, мечтали о социализме, как оуэнисты, и лишь затем приняли капиталистический строй и начали бороться лишь за лучшие условия продажи своей рабочей силы, что и называется тред-юнионизмом. Американские пролетарии сперва объединялись в выступавших за замену капитализма социализмом (как бы смутно ни понимался последний) Национальном рабочем союзе и Ордене рыцарей труда, и лишь затем возникла принявшая капитализм как незыблемую данность Американская федерация труда. Обратных случаев эволюционного перехода от тред-юнионистского к революционно–социалистическому сознанию в истории мирового рабочего движения не наблюдалось.

Старое революционно-социалистическое сознание пролетариата не было продуктом капиталистической фабрики самой по себе, оно пришло к пролетариям *извне* капиталистической фабрики – но было не плодом пропаганды неведь откуда взявшейся мудрой партии, но результатом столкновения с новым капиталистическим миром опыта и психологии *старого общинного коллективизма*.

Чем более старый общинный коллективизм перемалывался и уничтожался капиталистической системой, и чем более чистым и свободным от докапиталистических примесей становился капитализм, тем более революционно-социалистическое сознание пролетариата сменялось тред-юнионистским сознанием. Там, где революционно-социалистическое сознание пролетариата возрождалось на какое-то время, это было следствием не органического эволюционного развития от тред-юнионизма к революционному социализму, но великих потрясений и катастроф, в первую очередь – войн (как произошло в результате Первой империалистической войны, после которой, в 1918 – 1923 гг., призрак коммунистической революции внушал буржуазии ужас больше, чем когда-либо в истории).

У нас нет оснований считать, что в будущем будет происходить по-другому. Грядущие империалистические войны и прочие капиталистические потрясения, несомненно, вызовут радикализацию пролетариата (как вызвали ее крах финансовых пирамид в Албании и государственное банкротство в Аргентине). Чтобы пролетарские восстания не закончились бесследно и бесплодно, но разрушили до основания буржуазные государства и установили победоносную диктатуру пролетариата, нужно, чтобы в соответствующей стране существовала революционная организация, которая не была бы ни обществом для посиделок

марксистской интеллигенции, ни оппортунистической “легальной рабочей партией”, но своими фанатизмом и деловитостью превосходила бы даже еретические секты средневековья.

“Лишь участвуя в парламентской борьбе, можно доказать ограниченность парламентаризма. Ибо только участвуя, можно провести трудящиеся массы через все этапы прозрения при одновременном влиянии на них революционной пропаганды”.

“Ограниченность парламентаризма”, а на самом деле его истинный характер как **циничного лохотрона**, прекрасно показывает каждодневная практика этого парламентаризма, и нам в нашей пропаганде достаточно объяснять трудящимся смысл этой практики. Участие же революционеров в работе шулерского притона, где хозяева жизни обдeldывают свои делишки, может способствовать только восстановлению и укреплению у пролетариев иллюзий о природе парламентаризма, и чем более субъективно честными и искренними являются на первых порах попавшие в парламент революционеры, и чем большим успехом они пользуются, тем сильнее они вызывают у пролетариев иллюзию, что парламентским путем можно чего-то достичь, и тем больший вред приносят поэтому делу освобождения пролетариата.

Свою статью Интернациональный коммунистический союз заканчивает так:

“Десятилетия глубочайшей контрреволюции создали... обстановку, когда многие левые группы, страдавшие... “левым доктринерством”, как раз благодаря ему и выжили, поскольку не смешивались с более массовыми организациями, которые, как уже говорилось, неизбежно пропитываются буржуазной идеологией. Но **задача выжить и задача совершить революцию – это разные задачи. А главная задача – это как раз революция. Для выполнения ее нужно умение не изолироваться от масс, а действовать среди них.** И здесь, в силу приближения капитализма к следующему всеобщему кризису, предостережение Ленина актуально как никогда”.

Понимание того факта, что наша задача – совершить революцию, и что для этого мы должны научиться действовать среди масс, ставит ИКС на голову выше занимающихся самоудовлетворением в Интернете виртуальных революционеров. Именно благодаря такому пониманию спор с ИКС имеет смысл. Но к массам товарищи из ИКС ищут путь не там, где надо.